

О Власти

«...Власть отвратительна, как руки брадобрея...»

Взаимоотношениям человека и власти во многом посвящена знаменитая китайская "Книга перемен", за которую я несколько раз брался, но безнадежно застревал на первых страницах.

Со временем, однако, одолеть собираюсь.

А до этого момента, вне конкуренции с Великой Китайской Книгой, я попытаюсь разобраться в этой проблеме на примере личной жизни, тем более что за мои 78 лет пережил немало изменений в системах этой власти. Как больших, так и поменьше.

В микроэлектронике, геодезии и других областях есть понятие "реперные знаки». Некие точки отсчёта. В переводе с французского «репер»-это исходная точка, знак.

В каждой жизни есть такие события, условные «реперные знаки», которые существенно влияют на изменение нашего мировоззрения, на взаимоотношения человека с властью.

Попытаюсь отыскать эти знаки и я в своей 78-летней жизни.

Родился я в городе Львове, 24 мая 1945 года и за первые семь- восемь лет серьёзных личных взаимоотношений с данной мне (нам) властью не припоминаю. Что я к ней, что она ко мне относились индифферентно т. е. попросту друг друга не замечали.

Сталин умер

С этого я и начну. 5 марта 1953 года.

Я ходил уже в первый класс школы номер 35. Всех, кто опаздывал, встречал у двери завуч Исаак Петрович (да, вы правильно поняли), приводил в учительскую и пугал всяческими карами. Поэтому опаздывать я боялся и вскакивал по утрам заранее.

Но в это утро что-то было не так. Вместо задорной пионерской зорьки из репродуктора раздавались всхлипы духового оркестра, и родители переговаривались шёпотом.

Меня отвели в сторонку, видно из осторожности, и тоже шёпотом, чуть ли не оглядываясь по сторонам, сообщили, что, мол, случилось Страшное Несчастье и скончался- последовал тяжёлый вздох- Иосиф Виссарионович Сталин.

Говорили они это подчёркнуто скорбным тоном, но особого горя на их лицах я не заметил. А учитывая, что они всё время обеспокоенно переходили на идиш, я понял, что существует нечто ещё, чего мне знать не положено.

Ну не положено, так не положено. В квартире царила чрезвычайная обстановка, я улизнул от ненавистной каши и пошёл себе в школу.

Идти было недалёко, но лица всех прохожих имели одинаковое подчёркнуто постное выражение.

Помню, пришла шальная мысль в голову, а если бы его хоронили у нас во Львове, то похоронная процессия прошла бы мимо нашего дома, по Пекарской. И мои соседки, пани Зося с пани Аней, сдохли бы от зависти, увидев красавцев офицеров с орденами на подушечках и нескончаемое количество венков. Но, понимая, что похороны наверняка будут в Москве, я выбросил из головы дурацкие мысли.

Щемящие сердце звуки похоронного марша встретили меня уже при подходе к школе.

У входа стоял заплаканный директор, обнимал каждого входящего и говорил нечто проникновенное, типа "держитесь".

А в классе стоял всеобщий рёв.

Тон задавала незнакомая тётка, как потом мне объяснили, то ли парторг, то ли ещё кто по партийной части, а наш классный руководитель, Василий Павлович, вёл себя вообще невообразимо: он курил в открытое окно!!! Курил!!! В классе!!!

Хотел соврать, что громче всех рыдали девчонки, но вовремя вспомнил. В 1953 году было отдельное обучение, и ревели мальчишки. Девчонок в классе ещё не было.

Не плакал и вообще спокойно себя вёл только один. (Помните, «но был один, который не стрелял»). Я забыл его имя и фамилию, но отчётливо помню светлые волосы, аккуратный пробор сбоку и искреннее удивление на лице:

«Что это вы все так ревете? - спрашивал он- это же не ваши мама и папа».

Такая спокойная убедительная уверенность звучала в его голосе, так его поведение контрастировало с сопливым рёвом одноклассников. И как он не боялся?

Эта мысль посетила меня позднее.

К сожалению, после второго класса его семья переехала в другой город, и он покинул школу. Мы с ним так и не поговорили, толком даже не познакомились.

А мне было интересно.

Я чувствовал в нём нечто, что сегодня бы определил как наличие собственного мнения.

Траурные мероприятия продолжались дня три, в школу мы не ходили, возлагали цветы к памятнику Сталина в Парке Культуры, и я помню смутное ощущение: люди были разделены; у одних скорбь была искренняя, а иные, на мой детский взгляд, как бы притворялись, делали вид: да, великое горе... Может, они тайком и радовались, но, так как я такой мысли не допускал, то и заметить этого не мог. Как мне тогда показалось, а может это уже смешивается с сегодня этих "иных" было явно не меньше. (Львов!!).

Да и дома на эту тему вообще не говорили, из чего я заключил, что конец света отодвигается.

И неожиданно стала медленно затухать впихнутая в меня зависть к героям: Александру Матросову, Зое Космодемьянской и их товарищам: готовность немедленно отдать жизнь (но лучше перед контрольной !!), и при условии, что весь мир будет горевать и сожалеть о проявленной ко мне несправедливости

(как много её уже накопилось, в мои 8 лет!), а я, как бы со стороны, буду наблюдать и злорадствовать: ага, жалеете, но уже поздно.

Обозначим это как первое запомнившееся мне политическое событие, некий **первый «реперный знак»**, повлиявший на моё ещё детское, не вполне осознанное восприятие действительности.

Если бы все были готовы, да стройными рядами, да за дело Ленина- Сталина...А если есть «неготовые»- то, может, и мне не стоит торопиться.

К тому же мне пообещали купить «Орлёнок»: серьёзный двухколёсный велосипед.

Второй "реперный знак" - два события 1956 года

Февраль- 20 съезд КПСС. Доклад Хрущёва.

Текст ходил по рукам. Папа читал в столовой, а мама плакала, но не от горя.

Назовём её чувства, как в ином случае обозначил Борис Пастернак "смешанными". (В ответ на вопрос Ольги Ивинской о его, Пастернака, национальной принадлежности).

Я, почти 11-летний, уже что-то понимающий мальчик, внимательно слушал за дверью.

На этом этапе моё отношение к власти можно выразить: Ленин хороший, а Сталин всё испортил. И уже в 1956 году у меня сформировалось отрицательное отношение к Сталину. Это ещё не означало изменения отношения к власти вообще. Ошибки выявлены, исправляются. Но впервые закралась мысль: а власть -то не всегда права априори. Бывают сбои.

Помню, на памятнике Сталину в Парке Культуры появлялась надпись красной масляной краской "Вбивця". В его голову периодически летели школьные бутылочки с чернилами, и из глаз Вождя катились синие слёзы. Памятник чистили, через день- два всё повторялось, наконец его вообще куда-то убрали. И второе событие октябрь 1956 года- Венгрия.

Краем уха я что-то услышал по радио, но родители молчат.

Помню, я в 5-том классе, большая перемена, но уже после часу дня. Мне страшно захотелось есть. В кармане были какие-то копейки, и я прибежал в расположенный в подвале буфет.

Всё уже закрыто, в раздаточном кухонном окне пожилая повариха моет кастрюли, с ней беседует полная сильно накрашенная тётка в шубе (вот помню буквально шубу, яркую помаду на губах и самодовольно -уверенное выражение лица).

- Чого тобі хлопчик? - спрашивает повариха.

Я протягиваю ей свои копейки и прошу что-нибудь поесть.

- Да вже все зачинено- хіба хліба і огірок солений? Да забери свої гроші....

Счастливый, я схватил здоровенный ломоть чёрного хлеба и помятый солёный огурец, присел и с наслаждением, которое бывает только в детстве, стал есть.

Тётка продолжает: «муж пишет, вошли в Будапешт, от танка далеко не отойдёшь, стреляют гады-фашисты. Мы их освобождали....

и заключает: «вешать их всех на фонарях, фашистскую сволочь».

Повариха молча кивает и ещё тщательнее трёт огромную кастрюлю, но по её виду никак не заключишь, что она "готова всё бросить» и прямо сейчас лезть на фонарь с верёвкой.

Я молча доел свой нищенский полдник, не забыл сказать спасибо поварихе и вышел, чувствуя на спине взгляд покрашенной тётки.

Не могу объяснить, каким образом я почувствовал враждебность свою к тётке и её ко мне, а также ощутил некое недоумение: а что делают советские танки на улицах Будапешта? Кто и в кого стреляет? Войны, вроде бы, нет?

И почему я запомнил этот случай в буфете школы номер 35 до мельчайших подробностей?

Но именно с этого времени у меня появились первые, ещё смутные, детские сомнения в безоговорочной верности выражения: "Верной дорогой идёте, товарищи". Мол, всегда, никаких там «шаг влево, шаг вправо». Исключительно по прямой и верной.

Но так ведь не бывает.

С этого момента, который можно условно обозначить **вторым «реперным знаком»**, я стал интересоваться политикой, которую рассматривал как интереснейшую драму взаимоотношений различных групп и отдельных личностей. Драма эта разворачивалась в прошлом, или прямо на моих глазах и позволяла украдкой заглянуть в будущее.

И "История КПСС" стала любимым предметом моих, тогда ещё детских, исследований наряду с темой иудаизма и христианства, увлекая меня в тысячу раз больше любых детективов.

Этот интерес не затухает по сегодняшний день. «1984» Оруэлла", Дом правительства" Слёзкина, трёхтомник Радзинского "Сталин", "Олигархи" Дэвида Хоффманна, книги Павла Хлебникова, Марка Солонина и другие, занимают почётные места на моих полках, рядом с исследованиями по истории религии и удивительного народа-евреев.

Глубокую связь этих тем я стал обнаруживать сравнительно недавно.

Но это всё были духовные метания начитанного 12-ти летнего еврейского мальчика-коэна, потомка уманьских раввинов. Его неосознанные попытки установить логическую связь событий на пути достижения справедливости.

При этом, как тогда, так и по сей день, до конца не разобравшегося, что же надо понимать под понятием справедливость.

Может «...Нравственный закон внутри нас...»?

Желательно без активных действий

Первое реальное столкновение с властью имело несколько комический характер, хотя и могло иметь весьма печальные последствия.

Всю свою жизнь я пуце огня избегал общественной деятельности. Но в классе 4-5 меня, как отличника, неожиданно засунули в нелепую пионерскую структуру под названием "совет дружины". Я отлынивал от любых поручений, проваливал общественные задания, и в конце концов мне поручили чисто церемониальную обязанность знаменосца.

Обязанности мои были весьма необременительны и моими услугами пользовались нечасто, исключительно по большим праздникам, в которых участвовала вся дружина.

Вынос знамени дружины. Ну и занос, естественно, обратно.

Одним из главных подобных мероприятий был приём в пионеры.

Он происходил всегда в годовщину рождения В. И. Ленина в музее его имени, который располагался в красивейшем дворце 19-века в самом центре города, неподалёку от оперного театра.

Церемония проходила в просторном зале-галерее с дубовыми паркетными полами и широкими окнами, прикрытыми белыми шёлковыми шторами. С высоченных потолков на мощных медных цепях свисали огромные люстры с хрустальными гирляндами и светильниками. Располагались они на высоте около двух с половиной метров от пола.

Вдоль галереи, со стороны окон, выстроилась пионерская дружина, четыре - пять отрядов по 20-25 пионеров в каждом.

Напротив пионеров, на расстоянии 5-6 метров, цепью стояли октябрята, и на их вытянутых руках лежали отглаженные пионерские галстуки.

На торжественном мероприятии присутствовали руководство школы, учителя и высокое начальство в лице представителей городских комитетов Комсомола и Компартии Украины.

Под сводами зала торжественно разнёсся произнесённый в микрофон призыв: Пионеры! К борьбе за дело Ленина- Партии! Будьте готовы!

В ответ прозвучало безоговорочно и хором: всегда готовы!

Удовлетворённый ответом, старший пионервожатый дружины расправил плечи, вздохнул и раскатисто, медленно, с многозначительной паузой перед каждым словом отдал команду:

«Дружина... Равняйся... Смирно...! Знамя пионерской дружины школы номер 35... И затем ликующе и с повышением голос-вынести!!!!»

Наступал мой час.

Всё это время мы пережидали за широкой двустворчатой, украшенной резьбой, деревянной дверью.

Мы-это я с огромным, почти двухметровой высоты, красным знаменем, увенчанным металлическим шпилем, своей каплеобразной формой выражающим, вероятно, огонь наших сердец, две симпатичные девочки - ассистентки, державшие руки в пионерском салюте, два барабанщика и горнист. Рядом стоял завхоз школы, который, услышав команду, торжественно распахнул створки двери и впустил процессию в зал. Абсолютно языческое религиозное представление.

В прошлом году на аналогичном мероприятии я уже носил своё знамя (чуть не написал «свой крест», его я тоже носил, но это отдельная история). Но за год я подрос, окреп и, гордо подняв на вытянутых руках свой стяг, ринулся в зал.

Ассистентки с пионерским салютом взволнованно дышали мне в спину, барабанщики строго в такт выбивали: «старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал. Он проснулся, перевернулся, всех буржуев разогнал».

Дело немного портил горнист.

Кто -нибудь из вас пробовал извлечь из музыкального инструмента под названием «горн пионерский» нечто, имеющее отношение к музыке? А этот горнист ростом был невысок, полноват и еле успевал за мной, несущимся, как в атаку, с высоко поднятым знаменем. И на полном ходу играл громко, но, как бы помягче сказать, невразумительно.

В этом составе, под такое музыкальное сопровождение, возглавляемый мною боевой отряд на крейсерской скорости врезался в первую люстру.

То есть я ё...л со всего разгона знаменем по этому старинному осветительному прибору. Провёл металлическим наконечником по всем хрустальным висюлькам от начала до конца.

Висящая на здоровенной медной цепи люстра начала угрожающе раскачиваться, мелодично позванивая хрустальными элементами.

В зале затихли. Девушки что-то прошептали мне в спину. Барабанщики сбились с единого ритма.

И только я, охваченный патриотическим порывом ("в борьбе за дело..."), ничего не слыша и не видя, нёсся вперёд, готовый не столько к смерти, сколько желая посмертной славы.

Меня поддерживал маленький горнист. Всё внимание он сосредоточил на попытках не отстать, продолжить сложную игру на своём горне и не замечал надвигающейся катастрофы.

Через пять метров с той же яростью я врезался во вторую люстру.

Среди пионеров пробежал смешок. Руководство и октябрята потрясенно притихли.

Не знаю, может, маленькие, 7-8 летние предполагали, что так задумано по сценарию?

Люстра зашаталась, как и первая, но с несколько иной частотой и амплитудой.

Некоторые особо легкомысленные пионеры засмеялись громче. Ассистентки, не зная, что предпринять, неслись за мной и тыкали мне в спину левой рукой.

Правая оставалась в пионерском салюте.

Когда я треснул точно так же по третьей люстре, по пионерским рядам прокатилась волна смеха, октябрята заулыбались, на лицах руководства появилось выражение ужаса.

А я, ничего не замечая, в полной прострации, нанёс особо мощный заключительный удар по четвёртой люстре, занял положенное мне место за председателем совета дружины, опустил знамя, слегка прихлопнув им по полу, и успокоился.

Все люстры продолжали раскачиваться и печально позванивать.

Первый барабанщик прекратил стучать в свой барабан на уровне третьей люстры.

Второй- в промежутке между третьей и четвёртой.

Один лишь горнист "допел свою песнь до конца", пришёл в себя, огляделся, издал последний душераздирающий вопль и замолк.

Ассистентки опустили головы, вперив глаза в пол, но салют держали.

Я, неудачливый знаменосец, наконец-то осознал размеры катастрофы стоял бледный, тупо глядя на болтающиеся ещё люстры, словно стараясь взглядом остановить их грозное раскачивание.

Пионеры (гады) плакали от смеха.

Серьёзное политическое мероприятие было на грани срыва.

...Судили меня на общем собрании учителей, совета дружины и представителей вышестоящих организаций.

На основной задаваемый мне вопрос:зачем ты это сделал? -я говорил правду, но она их не устраивала. Конечно, будь это лет на пять раньше, всё было бы проще: японо- английский шпион, рыл подземный ход, сионистский заговор и т.д.

А так: спокойный, тихий, не дерётся, не курит (!!), отличник. "В действиях, порочащих высокое звание ...- не замечен". Стоял вопрос об исключении из пионеров, но такого громкого скандала никто не хотел. И, выгнав меня за дверь, в решении записали: "заболел". Интересно, какой диагноз поставили мне в протоколе?

Для себя я принял следующее, уже третье, решение (**мой третий «реперный знак»**): политикой можно интересоваться, но активных действий, т. е. активного в ней участия- избегать.

Формулирование разногласий

Избегая активных действий, серьёзные теоретические исследования я начал с "Истории КПСС". Вначале обратился к первоисточникам.

Я инстинктивно, как потом с историей о евреях, чувствовал здесь определённую недосказанность, явную противоречивость и попытку скрыть, а то и исказить правду.

Школьные учебники истории по 10 класс включительно я внимательно прочитал и признал недостаточно глубокими.

Записался в библиотеку, поразив библиотекарей выбором литературы.

Я копался в этих первом и втором съездах РСДРП, мартовской партконференции. В удивительном: "Чтобы объединиться, надо сначала размежеваться "(или наоборот?) и засыпал, положив голову на толстые книги. Заинтересовал пока только подбор фамилий главных действующих лиц: Мартов (Цедербаум), Троцкий (Бронштейн), Аксельрод, Либер, Каменев (Розенфельд), Зиновьев (Апфельбаум), Радек... Почему? Что, этим больше всех было надо? Неожиданно я наткнулся на ленинские " Письма к съезду".

Помню до сих пор и на всю жизнь: «...октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева не является случайностью, но обвинять в этом их лично также неверно, как обвинять Троцкого в небольшевизме...»

Я был потрясён. Мои предчувствия меня не обманули. Здесь была зарыта страшная тайна.

И я её раскрыл первым, что ли? Книжки же, вот они... Или Владимир Ильич, зная своих товарищей по партии десятки лет, ошибался?

"Но этого не может быть, потому что этого не может быть никогда".
Хватило ума ни у кого не спрашивать разъяснений... Но как с этим жить дальше? Всё переворачивалось с ног на голову.
А как же процессы 37 года, расстрелы, пытки? Почему, вернее, зачем?
Может, существовал альтернативный, лучший вариант развития? Закралась в голову предательски- вредительская мысль. И почему все об этом молчат?
Я всматривался внимательно в лица знакомых и родственников- а они знают?
Спросил старшую сестру Зиночку и её мужа Петю:
-Выкинь это из головы и забудь. На всю жизнь.
Меня это не устраивало. Я рылся в библиотеке дальше и обнаружил ещё две брошюрки:
-Постановление Политбюро ЦК: "Об опере " Великая дружба» В. Мурадели". Там было нечто: "Неверное представление (в опере), будто такие кавказские народы, как грузины и осетины, находились...во вражде с русским народом, является исторически фальшивым...» (ну, предположим).
А «...помехой для установления дружбы...являлись ингуши и чеченцы".
Неожиданная безапелляционность и резкая смена утверждений о великой дружбе народов поразили меня. Поражают и сейчас.
И чувствуете ли вы, как и я тогда, кавказский акцент?
Постановление Оргбюро ЦК " О журналах " Звезда" и "Ленинград", а фактически о Зощенко, которого я уже читал и нежно любил, и Ахматовой, которую читал меньше.
Книг изданных практически не было так, отрывки, но мне некоторые нравились; да я ещё и не дорос до Ахматовой. Серьёзно познакомился с её творчеством уже лет в 30, в Москве, в книжках, изданных «за бугром.»
Поразило: "...такие пошляки и подонки литературы, как Зощенко...".
В последующем докладе Жданова: "...поэзия взбесившейся барыньки..."-это об Ахматовой.
Текст этих постановлений произвёл на меня впечатление злобной сатиры на советскую власть. Казалось, они написаны и изданы где-то за рубежом, врагами, как некий пасквиль. Как цитата из романа «1984» Оруэлла, который я прочитал позднее.
Но это было официальное мнение власти, её руководящих органов!!! И в тексте снова угадывался до боли знакомый акцент!
Все эти открытия я произвёл в течение года. И пришёл к следующему, уже четвёртому, важному решению, ставшему **четвёртым «реперным знаком»**.
С существующей властью у меня имеются серьёзные разногласия.
Но пока они, как говорил Андрей Синявский, «в основном эстетические».

Лицом к лицу. Впервые

Первое непосредственное столкновение с властью произошло у меня в 1967 году.

Год был для меня вообще неудачный. Мы с моим тренером ожидали, что, после победы на Спартакиаде Украины и малом первенстве Союза по лёгкой атлетике среди юношей, я быстро войду в лидеры студенческой сборной страны. Но чтобы совмещать полноценную учёбу в институте с интенсивными четырёхчасовыми тренировками 4-5 раз в неделю необходимы были железная дисциплина и отказ от многих «радостей личной жизни».

Душа моя восставала и на такие жертвы готова не была.

Я пропускал лекции и практические занятия, а когда подходила сессия, приходилось

бросать на месяц-полтора тренировки и сидеть над учебниками днями и ночами.

Я толком не учился и не тренировался. Надо было что-то решать с моей лёгкой атлетикой.

Простейшим решением показалось взять академический отпуск на полгода.

Вместе с моим тренером Семёном Никитовичем Селезнёвым (я отдельно попытаюсь рассказать об этом замечательном человеке, который оказал на меня, может быть, самое сильное положительное влияние), мы резко усилили нагрузки. Оба понимали, что это моя последняя возможность и пытались наверстать упущенные два года.

К весеннему сезону апреля-мая я подошёл в превосходной физической форме. Селезнёв как мог сдерживал меня. Он понимал опасность форсированных нагрузок после длительного периода нерегулярных тренировок. А я рвался на дорожку.

Произошло худшее.

Я находился на пике физической формы, имел стопроцентные шансы на самые высокие результаты и, именно в этот момент, из-за перегрузок, заработал неизлечимое хроническое воспаление обоих ахилловых сухожилий. С моей большой лёгкой атлетикой было покончено навсегда. Это был для меня серьёзный удар. Лёгкая атлетика составляла одну из самых важных частей моей жизни, и понимание собственной вины в случившемся должно было стать для меня серьёзным уроком. К сожалению, не стало.

Я проболтался пару месяцев без дела и в начале лета женился. Без комментариев.

Поскольку денег особых не было, свадебное путешествие мы решили провести в Тирасполе на Днестре, у маминого брата дяди Давида.

Его уволили в 1952 году с должности главного инженера большого завода в результате борьбы с космополитизмом. Ветеран, орденосица и просто умный человек, мой дядя Давид принял правильное философское решение - не зависеть от этой власти вообще.

"Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря", и устроился экспедитором на Тираспольский винный завод.

Два-три раза в месяц он отправлялся с железнодорожным составом из 10-12 цистерн вина на край света - в Сибирь, на Урал или на Дальний Восток.

Требования были на первый взгляд просты. Довести груз в срок и вовремя вернуться. Но не всем это было под силу. Искушение было велико- тысячи литров отличного вина.

Дядя справлялся. Он не был и не стал алкоголиком, хотя стакан сухого красного в обед был законом. И он не воровал. Немного вина уходило на "смазку": товарный поезд часто загоняли на запасные пути в тупик, и пара литров вина для диспетчера были отличной валютой.

Одноэтажный маленький домик дяди находился в конце длинного двора, состоящего из семи- восьми таких же домиков, каждый из которых имел свой дворик, по ограде которого вился виноград. В этом большом общем для всех дворе вечно играли дети, а у входа в домики сидели старухи, ели семечки и беседовали. Обсуждали жизнь.

Вот эти старухи сильно невзлюбили меня и жену.

Во-первых, мы не вступали с ними в длинные разговоры, не поддерживали беседу, во-вторых, их раздражала моя еврейская рожа и, в-третьих, это главное - мы ходили в шортах!!

Хождение в голом виде (в шортах) по улицам было, на их взгляд (Тирасполь, 1967 год!!), абсолютно безнравственно.

Переданное через тётю замечание мы спокойно проигнорировали.

С утра мы уходили на Днестр, к обеду -ужину возвращались.

Как-то, на пути к дому, столкнулись с семилетним племянником, который бежал навстречу с криком:

- Дядя Лёня, скорей, Андрей бьёт деда.

Андреем звали длинного тощего соседа, на которого мы не обращали внимания.

Я бросился домой и застал следующую картину: по двору бегают дядя Давид в разорванной до пупа майке, а за ним Андрей с табуреткой в руках.

Прицеливается и с криком: "У, жидовская морда"! - кидает табурет дяде в голову. Дядя ловко увёртывается.

Промахнувшись и помянув мать, Андрей подбирает табурет, сплёвывает на ладонь и с тем же возгласом запускает его вновь.

Соседи не вмешиваются, но оживлённо комментируют:

- Пиздец жиду...

- Да не, оне вёрткие. Спасётся...

Ну я, молодой здоровый, врываюсь к Андрею. А этот пьяный, но соображает. Мгновенно ложится на землю и вытягивает руки вдоль тела. Мол, а что? Лежу себе после работы, отдыхаю, имею право. ("Сижу на люстре, починою примус").

Я в жизни не ударил человека. Не могу. И тут схватил его за майку, приподнял и поволил кулаком под носом: ещё раз пальцем тронешь Давида, плохо будет.

А он неожиданно трезво: «не трону».

И остался лежать, а потом и заснул там же.

Разочарованные соседи разошлись, и мы пошли ужинать.

Через пару дней тётя Женя- жена Давида:

- Лёня, тут тебе повестка, но ты не волнуйся...

- Какая повестка? Куда?

Смотрю: явиться ... райотдел милиции... иметь при себе паспорт... Что за хрень?

- Да это, наверное, про Андрея, но ты, главное, не волнуйся...

Прихожу. Несколько человек ждёт своей очереди. Выходит очередной посетитель, молодой парень, и обращается ко мне шёпотом:

- Это ты студент из Москвы?

- Я из Львова.

- Какая разница, там тебе дело шьют. Уже решили - трое суток.

Я обалдел: мне? Дело? Я был уверен, что меня вызывают давать показания на пьяного Андрея.

- Ну я тебе сказал, там лейтенант длинный- та ещё сука.

Вхожу.

- Документы с собой?

Протягиваю паспорт. Он его забирает и кладёт в ящик стола.

- Учитесь? Где?

- Во Львове, в Политехническом.

- А к нам, выходит, хулиганить приехал? - перешёл резко на ты милиционер.

До этого времени я был относительно спокоен. Но тут взвился:

- Это я хулиганил? Пьяница, алкоголик чуть не прикончил дядю, пожилого человека, ветерана!

- Хватит п.здеть- оборвал меня лейтенант.

- У меня заявление соседей. Все видели- избил беззащитного человека. Это свидетели -соседи.

- У меня тоже есть свидетели. Вот жена, тётя...

- Это родственники. Не принимается. А посторонние свидетели есть? Там много народу было. К нам поступила жалоба- он положил на стол бумажку- гражданка такая и такая, и вот ещё такая.... Я сержанта посылал, он ходил, опрашивал, все подтверждают.

Я взял листик из детской тетрадки в клетку: корявыми буквами с ошибками в каждом слове было описано зверское избиение соседа Андрея студентом- хулиганом из Москвы.

- Паспорт остаётся у меня. Суд послезавтра, отсидишь трое суток, подумаешь.

И письма в институт, и в комсомольскую организацию направим.

Я открыл рот и закрыл. Явственно увидел и этого судью, и свидетелей...

Мы сидим друг против друга, и он с каким-то весёлым хамством смотрит на меня. А я понимаю. Всё уже решено. И полученная им водка выпита. И всё, что я сейчас скажу этому весёлому хаму с лёгким перегаром, можно засунуть... И на суде будет также...

А паспорт мой у него.

Но тут, как не в первый уже раз в моей жизни, что-то и где-то обратило на меня своё внимание. Открылась дверь и вошёл огненно-рыжий капитан.

- Что за шум, а драки нет? Именно эту, заезженную, избито -пошлую, банальную фразу весело произнёс он.

Тут я понял- спасён. Капитан был евреем и производил впечатление разумного человека.

Быстро, глотая слова, не давая и рта раскрыть скотине- лейтенанту, я повторил всю историю.

- А, Андрей- он произнёс его фамилию- знакомая личность, два раза в месяц, как зарплата- так происшествие, весь вытрезвитель мне засрал, не отмоешь, прибить его мало -неожиданно закончил он.

- Да товарищ начальник- не сдавался лейтенант- но вот у меня заявления и сержант ходил...опрашивал...Снял показания.

Капитан брезгливо взял бумаги, прочитал, поморщился.

- Да пара сумасшедших старух. И знаю я этого Андрея - пьянь и срань.

-Ну как скажете - неожиданно легко согласился длинный лейтенант.

-Тем более и пострадавший писать заявление отказался (!!!)

Я было снова открыл рот: значит заявления от пострадавшего нет?! Какое же дело без пострадавшего? Но встретил неожиданно серьёзный встречный взгляд капитана и послушно свой рот закрыл.

-Отдай молодому человеку паспорт и пусть гуляет.

Я и пошёл гулять.

Ощущая унижительное состояние своей полной никчёмности и беспомощности перед этой тупой и отвратительной мордой власти.

Дошёл до дома, мы быстренько собрали чемодан, извинились перед дядей-тётёй, и на следующий день вылетели из Кишинёва во Львов.

Так закончилось моё первое, но далеко не последнее непосредственное соприкосновение с советской властью и её официальными представителями.

И впервые я ощутил, что надо, по возможности, этих непосредственных с ней соприкосновений - избегать.

Это было моё пятое решение, **пятый «реперный знак»**, установленный на моём жизненном пути.

«...С человеческим лицом...»

В январе 1968 года, в газете «Правда» была опубликована статья нового Первого секретаря Компартии Чехословакии Александра Дубчека.

Вроде бы статья как статья. Но моим любимым детективом оставалась «История КПСС».

Я читал всю партийную прессу между строк и сразу понял: происходит нечто необычное.

Когда набрел на фразу: «социализм с человеческим лицом», то немедленно купил чешско- русский словарь и договорился в газетном киоске, чтобы мне оставляли все чешские газеты.

Постепенно их выбор сокращался и к маю ограничился одним «Rude Pravo», которое приходило в единичных экземплярах. Подкупленные киоскёры оставляли газеты мне.

Я в муках продирался через 5-6 написанных подряд согласных и читал её всю: от безнадежного призыва к пролетариям всех стран на первой странице до состава редколлегии в конце последнего листа.

9 августа родился мой сын Илюша. Моей обязанностью было гладить после учёбы пелёнки, подгузники, всякие марлечки и прочие тряпочки. Я приспособивал к уху старый приёмник «Spidola», придерживал его одной рукой, а другой водил утюгом под негодующие взгляды тёщи. Сквозь треск «глушилок» я пытался разобрать сообщения о последнем пленуме Центрального Комитета или изменениях в правительстве.

Я знал на память весь состав Политбюро Компартии Чехословакии и сегодня, разбуди ночью, перечислю: Дубчек, Смирковский, Млынарж, Цисарж, Кригель, Черник и др.

Когда 22 августа в Прагу ввели танки Варшавского договора, я понял: эксперимент не удался, «инцидент исперчен, любовная лодка разбилась о быт...».

Я искал сочувствия в лицах друзей и знакомых. Некоторые сочувствовали, но глубины моего горя не разделяли.

И это был **пятый «реперный знак»**, который, как осиновый кол, вбили в мой «социализм с человеческим лицом».

Я навсегда покончил с симпатиями ко всем социалистическим и левым движениям, и даже сегодня с большой настороженностью наблюдаю за их возрождением в современном мире.

Как я чуть не стал шпионом

Но я был молод. Впереди была вся жизнь. И мои приключения только начинались.

Институт я заканчивал в 1969 году. Предстояла защита диплома. У меня был выбор.

Разработка конструкции прибора с вычерчиванием 10-12 огромных листов чертежей была мной отклонена сразу. Что-то мастерить самому на кафедре также не вызывало интереса.

Мой приятель Марик Ф. работал на заводе электронных приборов, по-старому "24-й завод". И там приступили к выпуску полупроводниковых интегральных микросхем.

Это был такой прообраз полупроводниковых чипов, которые каждый из нас видел в своём мобильном телефоне. В институте, только на последних курсах мы подошли к изучению полупроводников. Но это были отдельные диоды или транзисторы. А здесь в одном кристалле десятки радиоэлементов, как активных, так и пассивных. Законченная функциональная схема.

На лекциях об этом упоминалось мельком, как о далёком будущем.

Физика твёрдого тела! Загадочно и туманно. Это мне подходило.

С физикой твёрдого тела я столкнулся ещё раз примерно через год и чуть не произвёл в ней серьёзную революцию, но об этом позднее, отдельно. Я подъехал к Марику, и он согласился стать моим руководителем. Тем более, что эту работу в те времена институт прилично оплачивал. Мы сформулировали тему, и кафедра с радостью её утвердила.

Сами конструкции и полная технология изготовления микросхем были разработаны в Зеленоградском НИИ объединения «Микрон» под Москвой, как и полный комплект конструкторско-технологической документации.

К комплекту прилагался подробный отчёт - описание.

Цех просто тупо эти микросхемы изготавливал, не отходя ни на йоту от описанной технологии; это было скучно. А отчёт был интересный.

Я решил делать не конструкторский проект, а конструкторско-технологическую работу.

Во-первых, в этом случае не оговаривалось количество листов чертежей: я нарисовал четыре и по общей сложности и трудоёмкости они не превышали одного в обычном проекте.

Во-вторых, в основной теме проекта, в технологии изготовления микросхем, во всех этих процессах диффузии в кремний, фотолитографии и вакуумного напыления ни один из преподавателей кафедры не имел ни малейшего понятия. Всё только начиналось, и я мог не опасаться никаких вопросов.

Отчёт был "для служебного пользования" - т. е. доступ к нему тоже был ограничен.

Меня всё устраивало.

Я беззастенчиво переписал из отчёта 120 листов объяснительной записки к дипломной работе и переснял на дралоскопе (это специальное устройство для копирования) четыре листа чертежей, после чего, неожиданно для самого себя, почувствовал угрызения совести.

Ну надо же что-то и самому сделать.

Марик угрызений совести не одобрил, но подсказал, что, изменив некоторые параметры, можно получить другой результат решения уравнения диффузии в кремний. Мы попытались это сделать сами, но что-то не выходило. Марик и говорит, а слетай в Москву, в Зеленоград, вот телефон, там тебе за пять минут это сделают.

До этого мы с тобой сошьём листы, пронумеруем, а в этом месте вставим один чистый лист. Будет 79,80, потом 80а, а потом уже 81. Если не получится, этот 80а вырвем. И всё будет отлично.

-А как мне попасть в Москву?

-Ну. это запросто. У нас каждую неделю надо что-то отвезти, привезти, подписать. Надоело ездить.

Это был просто золотой вариант. Главное, в Москве во ВГИК-е учился мой друг Слава Сёмин, который давно звал меня в гости.

Я всё так и сделал. Положил готовый диплом в чемодан и полетел в Москву.

Правда, при перелёте чемодан с дипломом пропал. За три недели до защиты мой чемодан с дипломом в Москве на Аэровокзале, ошибочно выдали иному пассажиру. Он улетел с ним в Ригу и чудом, в результате страшной детективной истории, чемодан был получен обратно!

Но это отдельная захватывающая история.

Когда я обратился в Зеленограде за помощью в решении уравнения, меня спросили:

-а на фига это надо?

На мой ответ: ну, интересно...

ответили: -не интересно.

И послали меня на фиг.

Ну нет так нет. Совесть моя к этому времени притихла, я сдал свой диплом в первый отдел завода и те переправили его в первый отдел института специальной егерской службой.

Вот убейте меня сегодня, я не смогу объяснить, зачем всё это устроил.

Про чистый лист 80а я, естественно, забыл.

За день до защиты во мне вновь проснулась совесть. Ну надо же какую-то речь подготовить и вообще вспомнить, о чём идёт речь.

Мой диплом находился уже в первом отделе института. Прихожу с утра в первый отдел, сдаю студенческий билет, забираю диплом, прохожу в "рабочую комнату", получаю предупреждение: все заметки, если буду делать, надо нумеровать и сдавать вместе с проектом. В рабочей комнате кроме меня ещё один студент, что-то читает, выписывает, готовится. Я начинаю читать, дохожу до 80- той страницы... Вот блин, пустая страница с идиотским номером 80а. Разумный человек так бы всё и оставил. Никто бы и не заметил.

Но я подумал, а вдруг в Комиссии по защите дипломов заметят? Объяснять, откуда взялся странный номер 80а не хотелось. Да я бы и не смог этого объяснить. И решил -вырву я эту дурацкую страницу 80а и всё будет хорошо. Огляделся по сторонам, вырвал, пошёл в туалет, выбросил в унитаз и спустил воду. Подумал и спустил ещё раз. Для надёжности.

Возвращаюсь-диплома на столе нет, и студент-сосед тоже исчез. Нехорошо.

Открывается дверь и входит Начальник Первого Отдела. Фамилия его была, не поверите, Хрусталёв. ("Хрусталёв, машину" -это не про него)

-Что ищем, студент Каплан, если не ошибаюсь?

- Да вот здесь мой дипломный проект лежал, а теперь нет...

- Не этот-ли? - достаёт из-за спины.

- Да-да это мой, давайте, мне там ещё....

-Что ещё? Не всю секретную информацию повырывали? Куда вы её носили?

- В туалет- отвечаю я, одновременно чувствуя себя идиотом (справедливо) и предчувствуя серьёзные неприятности (тоже справедливо).

-Так...- задумался Начальник.

-Ну давайте пройдемся, поищем, надеюсь вы не в дамский туалет занесли?- шутит с каменным выражением лица.

- В мужской- тупо отвечаю- я в унитаз спустил, не найдём...

-А можете объяснить почему вы это сделали?

- Могу.

Я начинаю путано рассказывать, что случайно подшил совершенно чистую страницу, и вот, заметил:

-Сами посмотрите: стр. 79,80,81 всё по порядку.

-Садитесь, -мы сели. Он внимательно осмотрел стр. 79.

- Ага, вот видите- следы вырванного листа!- Торжествуя говорит.

-Ну да, я ведь его вырвал. (Тоже мне Шерлок Холмс)

-Это улики! - говорит Начальник.

- И куда вы их дели, только давайте по-честному, сразу правду, Вам же лучше будет,

-Я их спустил в унитаз- обречённо говорю- и я Вам всё рассказал, если хотите, повторю, но ничего нового сказать не смогу, это всё правда. Меня начинает подколачивать.

- Почему я должен верить этой херне (тут он был прав), которую Вы мне рассказали?

- Может, Вы передали эту информацию (появился новый профессиональный термин) иностранной разведке? Английской? Американской? - он посмотрел на меня внимательно:

-Или израильской?

Дело принимало совсем плохой оборот. Завтра защита.

Я нашёлся:

-Но это же просто, смотрите вот стр. 79, видите, вот формула, а вот её продолжение на стр.80. Любой инженер вам это подтвердит. Тут нет пропуска. Хрусталёв задумался. С одной стороны - хорошо бы раскрыть внутри вверенного ему объекта израильского шпиона, а с другой....

- Вы военную подготовку проходили?-внезапно изменил он тему.

- Проходил, вот пятёрка на Госэкзамене по военке.

- А специальность?

- Радиолокация: станции орудийной наводки СОН9А и П15.

Хрусталёв немного заскучал. Видно, понял, раньше надо было этого израильского шпиона разоблачать, а сейчас поздновато, имел возможность передать важную для обороны страны информацию, могут по головке не погладить, а то и треснут.

Тут до меня дошло:

-А мы можем пригласить эксперта- говорю я -он подтвердит, что текст со стр. 79 плавно перетекает на стр. 80.

Это я ему подсказываю компромиссное решение.

- Где же я буду искать вашего эксперта?

Тут, чувствую, позиция на шахматной доске меняется, и противник теряет инициативу. Но подавляющее преимущество остаётся всё ещё на его стороне.

- Что его искать, декан Радиотехнического факультета, Заведующий кафедрой, Евгений Фёдорович Замора, лучший специалист по радиотехнике в городе Львове. Давайте, я за ним сбегаяю. И не дав противнику прийти в себя, выбегаяю.

И слышу вдогонку:

- Пусть срочно идёт сюда.

А я бегу и думаю, только бы он был на месте, только бы...

Прибегаю-секретарша:

-В нього засідання.

Я: -Ой простите, завтра защита диплома, а меня тут хотят из института исключать.

Бедная секретарша так и села. Но, видно, у меня на лице такое было написано, что взяла трубку и попросила Евгения Фёдоровича выйти на минутку.

Когда Замора увидел мою рожу, он сразу понял, снова у него (а не только у меня) проблемы:

- Що сталося, синку?

Он, обычно, никогда и ни к кому так не обращался, но, видно, весь мой вид говорил

«Пожежа. Горыть сарай. Горыть і хата».

Я сбивчиво попытался пересказать всю свою хренотень, но главное он понял, надо срочно идти к Хрусталёву.

Зашёл в кабинет, извинился и мы понеслись через двор в первый отдел.

-Потихше хлопче, я ще не забув , як ти бігаеш.

По дороге я кое как объяснил, что от него требуется подтвердить связность страниц.

- А що там?

Формулы, уравнение диффузии, начинается на одной странице и заканчивается на следующей.

-Так я ж на тому зовсім не розумію...

Я молчу. Он посмотрел на меня, повторил про сарай и хату, и мы вошли в первый отдел.

Замору Хрусталёв пригласил в свой кабинет. Уважает. Я зашёл вместе с ним.

В кабинете развернулось совершенно потрясающее театральное представление.

Замора вслух проверял правильность решения уравнения, которое начиналось на 79 стр. и переходило на 80, не понимая в этом ну абсолютно ничего, ни единой буквы:

- Усе вірно, а в чому справа? - начал он играть дурака.

Ему ещё раз, теперь уже Хрусталёв все объясняет.

-Тут все гаразд. Хлопче, завтра у 9 чекаю на тебе. Готуйся.

И пошёл.

Мы остались вдвоём с Хрусталёвым. Молчим. Первым не выдержал я

- Так можно мне дальше готовиться? Вот Замора сказал....

Хрусталёв молча сунул мне диплом и с нескрываемой ненавистью процедил: «Выкрутился».

Замора явился на защиту ровно в девять. Секретарша уже успела раззвонить о неприятном происшествии. Пришла почти вся моя группа. Я пел соловьём песни, в которых никто не понимал ни слова (физика твёрдого тела!), а я толково изложил содержание отчёта и получил "отлично".

Председатель комиссии, заместитель главного инженера Львовского научно-исследовательского радиотехнического института (ЛНИРТИ), Геннадий Евтюхин пообещал направить в лабораторию микроэлектроники.

Я подошёл к Заморе и поблагодарил за всё, сбиваясь с украинского на русский.

Он поздравил меня, задержав пожатие: " Вважай, хлопче, вважай, не завжди щастити буде." И пошёл.

Немного отклонюсь от темы. Возможно я ещё расскажу, как за пять лет до защиты Евгений Фёдорович Замора "пробил" моё поступление в институт. В вышеописанном случае он мог просто сказать: это не моя отрасль, я в ней не

разбираюсь, извините. И меня бы запросто исключили из института. В последний день учёбы.

Замора поступил иначе. Это к вопросу об украинских националистах. Возвращаюсь к теме рассказа. После этого случая я понял, что в составе власти есть особый отряд. Мои родители не говорили КГБ или НКВД. Они говорили **ОРГАНЫ**.

С этими Органами мне пришлось плотно соприкоснуться на протяжении почти всей моей трудовой деятельности.

Продолжая отсчитывать мои «реперные знаки» можно сказать, что это было, как бы, моё **шестое понимание своеобразия этой власти. Шестой «реперный знак».**

Самое святое...

В 1969 году я пришёл по направлению на работу в ЛНИРТИ и должен был встать на комсомольский учёт. Неделью я забывал захватить с собой комсомольский билет, мне напоминали, наконец принёс и сдал.

Через день-два мне звонят и приглашают явиться на заседание комитета комсомола института, которое состоится... Называют день.

Ну мне что, прихожу. Все сидят с серьёзными лицами.

- Это твой комсомольский билет? - протягивают мне.

- Ну мой, а что?

- А ты посмотри внимательно.

Смотрю. Билет, как билет. Фотография моя.

- Ничего не замечаешь? А это что? Он открывает страницы, где стоят печати об оплате членских взносов.

Я смотрю: везде стоят печати "оплачено".

- Всё оплачено - говорю я,

- И до какого года? - спрашивает строго наш Первый Секретарь?

Блин, у меня оплата комсомольских взносов стоит до последней страницы, т.е. где-то по 1974 год, а на улице 1969 год.

Тут я вспоминаю, в институте я появлялся редко. Комсорг группы, поймав меня, первым делом забирал взносы и расписывался в ведомости, а билет я так и не удосужился принести, печатей об оплате взносов там не было. Ни единой.

Когда я пришёл в комитет комсомола института сниматься с учёта, девчонки-секретарши обалдели:

- Ты что вообще ни разу за пять лет не платил?

Я говорю: платил каждый месяц. Подняли ведомости- всё в порядке. Времени у них особо не было, там у одной была страшная любовная драма. Они сунули мне печать в руки: проставь сам.

Но история неудачной любви увлекла и меня, они часто обращались ко мне за советом как к эксперту и, не прерывая разговора, я увлёкся и проштамповал билет до последней страницы. Дал совет: да плюнь ты на него, (кавалера) и ушёл.

Ну я говорю:

-Ничего не знаю, это не я.

-Как так, ты платишь за месяц, они ставят за этот месяц печать.

Я молча пожимаю плечами, что бы ни сказал- всё будет плохо.

И тут этот комсорг ЛНИРТИ:

-Комсомольский билет-это самое святое... Такое отношение недопустимо, таким не место...

-Предлагаю исключить из комсомола!

Это автоматически означает лишение допуска и - вон из института!!

И не давая мне слова сказать:

- Кто за -прошу поднять руку.

В этот момент вскакивает Галя Муртакова.

Она училась в параллельной группе. Занималась лёгкой атлетикой, метала ядро и диск. Крепкая девушка с низким, почти мужским голосом. Естественно, хорошо меня знавшая. Вместе выступали за Политех.

- Да Вы что, все с ума посходили? Да Лёня сделал для Украины больше, чем вы все вместе взятые. Неоднократный чемпион Украины, он отстаивал её честь....

- Да у него медалей и грамот, в том числе от ЦК Комсомола Украины больше, чем у вас тут на стенках развешено...

И продолжает:

-Да что я не знаю, вы заранее все тут сговорились -такого парня угробить- а голос у неё такой, что из коридора заглядывают:

- Что тут у вас происходит?

Комсорг пересрал, видно, решение уже согласовал свыше, но бюро явно за Муртакову. Она так орёт, что страшно становится.

Умная Муртакова сразу:

-Кто за то, чтобы объявить выговор?

Комсорг проблеял:

- С занесением ...

Муртакова в запале:

- Да куда угодно. Хоть в ... но вовремя остановилась- в учётную карточку.

При выходе я сказал: Галка, с меня бутылка, а она:

- А что ты ему сделал, чего он на тебя взелся?

- Да я его в первый раз в жизни вижу

- Странно....

Так, избежав исключения из Политеха в последний день учёбы, я чуть не вылетел из ЛНИРТИ в первые дни работы.

Снова небольшое отклонение от основной темы:

В детстве вопросы, на которые сложно ответить, задавала мне мама:

-А почему Серёжа не провалился в белых носках в болото, а ты провалился?

-А почему у Люсика свитер не украли, а у тебя украли?

Потом заинтересовались и остальные родственники:

- А почему ни у кого чемодан с дипломом в Ригу не улетел, а у тебя улетел?

Меняются страны и обстоятельства, и уже совсем новые люди продолжают задавать мне аналогичные вопросы: куда, на хрен, улетели все твои чемоданы, Лёня?

Мои отношения с властью явно не складывались, но какие-то неведомые мне силы в последний момент: "присылали вертолёт и на верёвке спасали из уже почти полностью затопленного дома".

В отличии от глубоко верующего еврея из известного анекдота, в последний момент я всё -таки ухватывался за брошенную мне верёвочную лестницу: «на Б-ГА надейся, да сам не плошай».

Но власть не собиралась сдаваться. У неё в запасе были её ударные ОРГАНЫ и мой непреходимо оптимистичный идиотизм.

О погоде в Испании и не только

С Франциско Инфанте-Арана я познакомился в начале 70-х. Сын министра Республиканской Испании, который эмигрировал в Союз в 1939 и женился на русской, Франциско родился в Москве в 1943 году. Окончил Строгановку, где познакомился с будущей женой Ноной Горюновой. Один из основателей направления "Кинетическое искусство".

Сегодня он всемирно признанный художник, работы которого находятся в Третьяковской галерее, в Пушкинском музее в Москве, в Русском музее Петербурга, музее современного искусства в Париже, а также музеях Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Токио и многих других. В 1996 году он получил Государственную премию РФ.

В те времена Франциско был полунищий художник -авангардист. Я иногда останавливался у него в Москве, мы несколько раз вместе отдыхали в мае в Гурзуфе, катались на горных лыжах в Карпатах, и он часто приезжал к нам во Львов.

У него был проект "кинетической подсветки Кремля": десятки прожекторов с различными цветовыми фильтрами, управляемые программой, включались и поочерёдно освещали стены и башни Кремля, Мавзолей. Этакий световой спектакль, рассчитанный на 30-40 минут. Проект не приняли. Но Франциско назначили главным художником на какие-то молодёжные мероприятия в Москве и поэтому он занимал некоторое промежуточное положение между художниками диссидентами и представителями официального искусства.

Невдалеке от Львова был расположен Олесский замок - памятник архитектуры 14-17 века, который как раз в это время начинали реставрировать.

Реставрационными работами руководил Иван Могитыч, известный украинской учёный и реставратор, близкий приятель нашей семьи. Появилась идея осуществить "кинетическую подсветку замка", расположенного на высоком холме и прекрасно смотрящегося с разных сторон.

Могитыч организовал нам встречу с секретарём по культуре Львовского горкома КПУ, и мы получили предварительное согласие. Франциско и я с моим другом Вовой Т. пообещали предоставить проект и предварительную смету

расходов. А потом, как сказал секретарь горкома: «будем посмотреть- может быть». Творческий коллектив работал. Франциско строил макет замка, а мы (это Вова и я)- прибор управления осветительными устройствами.

Вот сейчас пишу и поражаюсь: всё это делалось совершенно бесплатно, Франциско еле сводил концы с концами, ну ладно- он художник, творец, а мы с Вовой? Романтики...блин.

Надо было спешить. Намечалась большая выставка в Испанском доме. На такие мероприятия обычно приходила Долорес Ибаррури, Руководитель Компартии Испании, с которой Франциско был знаком и надеялся получить поддержку проекта.

Вова разработал схему и передал её мне. Я договорился с девочками и они развели печатные платы, разработал простейшую конструкцию и затем передал всё в наше опытное производство на изготовление и сборку.

Время поджимало.

Схватив прибор, мы поехали сначала к нашему товарищу Валере Э. Он был радиолюбитель, и в супружеской спальне располагалась маленькая радиомастерская. Вова хотел ещё раз всё проверить. Затем заскочили ко мне, я схватил ящик из -под посылки, в которой дядя моей жены пересылал своей маме- бабушке жены - мандарины из Питера. Перевернули верхнюю крышку адресом вниз, написали имя и адрес Франциско и помчались к Вове. Надо было написать инструкцию по настройке.

Чтобы было "смешней" я диктовал Вове:

" Дорогой Франциско, говорят, над всей Испанией безоблачное небо..." и далее текст из художественного плавно переходил к инструкции по настройке.

Чтобы стало ещё веселей, я исписал фломастером весь кожух прибора испанскими ругательствами типа: puta (шлюха), maricon (педераст), cipote (член), cule (жопа), dorar (трахаться). Остальные писать совсем неприлично. Всего штук 20-25.

У меня был период увлечения Хемингуэем: "Фиеста", "По ком звонит колокол" я помнил почти наизусть, а там этого добра на каждой странице....

Завершив тяжкий труд, мы с Вовой понеслись на вокзал. Вечером был поезд Будапешт- Москва через Чоп и Львов, на него мы успевали.

Мы совсем не учли одно важное обстоятельство. В эти дни в Москве происходили какие-то странные вещи.

То, что-то взорвали на Красной площади, то задержали человека, пытающегося пронести бомбу в Мавзолей (это вообще странно, снова покушение на В.И.Ленина? Фамилии задержанного не сообщали, а вдруг внучек Фани?)

В стране были приняты меры повышенной безопасности, но ни мы, ни Франциско, ни, думаю, даже Долорес Ибаррури этого не знали.

Ворвавшись на перрон минут за 15 до отправления поезда, мы были остановлены строгим мужчиной в сером пальто:

- Вы куда, молодые люди?

- Нам посылку, в Москву срочно.

- Не положено.

Тут бы нам среагировать на это профессиональное: "не положено" и отойти в сторонку, но мы рвались к составу. Увидев проводницу, бросились к ней, а она снова:

- Не положено.

Ну всё ясно, бежать надо, пока не поздно. Тут, смотрю, ещё один в таком же пальто с другой стороны состава заметил суету и направился в нашу сторону. Неожиданно из двери вагона высунулась молодая женщина, прощально помахивая кому-то ручкой- мы к ней:

- Ну пожалуйста,

А она: а что там?

-Да это прибор, вот посмотрите- мы открыли крышку- на выставку, Вас в Москве встретят, как Вас зовут?

Молодая женщина растерянно назвала своё имя, в этот момент поезд тронулся и наше устройство осталось у неё в руках.

"Усталые, но довольные", мы заехали к Вове, передали Франциско номер поезда, вагона и имя женщины и разошлись.

Это была пятница.

А в воскресенье рано утром звонок в дверь. Мой друг Люсик Ф. Я весело:

- Ой Люсик, ты чего не спишь?

- Тебе бы Каплан, только шутить...По школьной привычке мы часто называли друг друга по фамилии. -Поговорить надо...

Звонил ему на домашний Франциско. Дал другой телефон и велел перезвонить по нему через час и не с домашнего телефона, а с междугородней станции. Чем уже напугал беднягу. Конспирация!

Сообщил следующее: при встрече поезда никакой женщины не было.

-Может, уже расстреляли? - пошутил я, но Люсик остался серьёзен. К Франциско подошли двое мужчин и попросили документы. Помню, я подумал: в таких же пальто?

Естественно, Франциско сказал, что при себе не имеет. Тогда они сами назвали его имя и фамилию и спросили, правильно ли. Франциско подтвердил.

Завели его в отделение милиции Киевского вокзала и когда менты при виде серых пальто мгновенно смылись, Франциско всё понял.

Прибор признал. Имен наших не назвал- не знает. Был во Львове, договорился: ему сделают прибор для выставки, он проверит, если всё работает, рассчитается. Бил на Долорес Ибаррури , Испанский дом, ЦК ВЛКСМ и Львовский горком партии.

Заставили позвонить домой, Нона привезла паспорт, они его забрали, а Франциско отпустили. Свяжемся, мол, через день- два. Прибор остался у них. Пишу, и сейчас, через почти 50 лет, оторопь берёт.

Всё бы ничего, но я- то помню, что на крышке посылки- с обратной стороны- наш домашний адрес. Фамилия бабушки другая- но это ведь не проблема.

Опять через третьих людей, с междугородней телефонной станции связываюсь с Франциско. Объясняю, что есть проблемы, но сейчас главное забрать прибор. Во вторник вечером Франциско сообщает "мальчик приехал и уже дома."

Конспирация!

Ну, думаю, может пронесёт?

В пятницу утром звонок в отдел. Борис Павлович Варакин, (второй человек, после Семёна Никитовича Селёзнева, которому я многим обязан) внимательно слушает, кладёт трубку, идёт к моему столу.

-Леонид, ты что там опять (да, опять) натворил?

-Где там? -спрашиваю.

- Звонили из первого отдела. Сказали, чтобы срочно зашёл.

И смотрит внимательно. Чувствует, что-то опять не то с его подчинённым.

- Ну, может, статья пришла? Я заказывал- валяю я дурака,

- Ага, и сам Богач-это была фамилия начальника первого отдела- звонит в 9 утра?

Захожу. В кабинете Богач и ещё один, примерно моего возраста, может, на пару лет старше мужчина. Богач мгновенно выскакивает за дверь.

"Комитет Государственной Безопасности"- сурово, ну как в кино, представляется он. И раскрывает красную книжечку, в которой кроме «КГБ» я ничего прочесть не успеваю.

-Вы поедете со мной.

- Куда?

- Увидите.

- Но я должен спросить разрешения.

- Не обязательно.

- Ну пальто надеть можно?

-Только бегом.

Я забегая в отдел и звоню Валере и Вове: меня забирают в КГБ (мол, готовьтесь).

Спускаюсь вниз. Напротив главного входа, у тротуара, стоит Газик. Мы идём к нему метров 20-30. Я впереди, чекист чуть сзади и сбоку.

Оглядываюсь, на третьем этаже стоит Борис Павлович и внимательно смотрит мне вслед.

Едем на улицу Дзержинского в главное управление КГБ то ли области, то ли всего региона.

"Не каждая птица долетит до середины Днепра...". Далеко не каждый бывал в этом доме.

В 1939-1941- там было КГБ (НКВД), с 1941 по 1944- Гестапо. С 1945- снова КГБ.

(Преемственность. Рассказывали, там подвалы подходящие- не знаю, не бывал).

На входе- два человека в форме. Толик Свириденко (так звали моего сопровождающего) небрежно бросает: это со мной.

Первое, что бросается в глаза- полумрак. Дневной свет не проникает. На всех окнах плотные темно -бордовые шторы. И приглушённый свет. Прямо от входа- широкая парадная каменная лестница, застеленная толстым, ворсистым ковром темно-красного цвета в тон шторам. Перила по обеим сторонам лестницы из камня цвета слоновой кости. И первый пролёт упирается в погрудный бюст Ленина на метровом постаменте.

Стоишь внизу, а перед тобой, немного вверху, Ленин. И от него свет.

Расположенные с двух сторон бюста скрытые светильники обеспечивают освещение всего пролёта. Театр.

Вокруг абсолютная (шторы, ковёр) тишина. Слышишь шорох подошв по ковру. Ни звука.

Психологическая подготовка действие своё оказывает. Профессионалы работали.

Поднимаемся на третий этаж. Интерьер такой же: освещение, шторы, ковёр, но бюст Ленина заменён на бюст Феликса Эдмундовича Дзержинского.

И снова прямо оглушающая тишина.

Проходим по коридору. Свириденко стучит в дверь, и мы входим.

Пожилой для меня в то время человек, в возрасте до 50 лет, сидит за столом и просматривает какие-то бумаги.

Снимает очки и внимательно смотрит на пришедших.

По-моему, Свириденко обратился к нему товарищ полковник, а, может, и по имени отчеству, точно не помню. Но, судя по уважительному отношению и по просторному, хорошо обставленному кабинету, звание у него было достаточно высоким.

Начальник предложил сесть, а Свириденко небрежно отправил: мол, идите, работайте. Мне велел обождать, он должен что-то закончить.

Сажу, жду, вижу слева, на углу стола, сложенный пополам листик бумаги. И ветерок, то ли от вентилятора, то ли от кондиционера периодически приподнимает уголок. А там, шкодливой Вовиной рукой: "Над всей Испанией...". Всё ясно, приехали.

Отложив бумаги, он ещё раз внимательно посмотрел на меня и стал задавать стандартные вопросы: где родился, где учился, кто родители, есть ли родственники за границей, где и как работаю.

К этому времени я был уже ведущий инженер, несколько раз награждался почётной грамотой "Лучший конструктор института», работал я действительно неплохо. Борис Павлович Варакин воспитал, да мне и самому уже давно стало интересно.

Разговор начальник вёл исключительно вежливо, спокойно. Он вообще производил впечатление неглупого, воспитанного человека.

Вопросы постепенно перешли на Франциско: откуда знаю, где и как познакомились, как оцениваю его с точки зрения отношения к советской власти.

Я пел соловьём (подготовился!) – мол, отец- министр республиканской Испании, герой Гражданской войны. Я не имел ни малейшего понятия, воевал ли он вообще, но понимал, что это никого не интересует.

А Долорес Ибаррури- Генеральный Секретарь Компартии Испании- вообще друг семьи. Тут начальник что-то пометил.

- Так Ваш Франциско - испанский подданный? - спросил он.

- Нет, мать русская, родился в Москве.

Постепенно перешли к его деятельности. Я подробно начал описывать проект Франциско по подсветке Кремля, тут он перебил:

- Что-то я был в Москве и не заметил...

- Ну Вы понимаете, бюрократия, проект отложили, но вот ЦК ВЛКСМ...
молодёжные мероприятия...

Он спокойно, не перебивая, слушал мой восторженный текст. Минут через 20 я исчерпался и, неожиданно для самого себя, замолк.

-Ну это, конечно, всё интересно, а что за прибор вы передавали таким странным образом?

Но и тут я был готов. Я начал с Ивана Могитыча, потом упомянул секретаря по культуре Горкома КПУ и так выходило из моих слов, что это они нас упростили, осветить наконец- то этот замок. Стоит, понимаете, в полной темноте, народ не видит, а такая красота..., ну а мы, "идя навстречу пожеланиям трудящихся, не жалея живота своего", тут он поморщился и равнодушно бросил:

- Леонид Михайлович, не увлекайтесь. Чем сбил меня с ритма и темпа.

Однако я решил повторить, что проект был согласован на самом высоком уровне.

- Ну предположим- подытожил начальник.

Разговор длился уже больше двух часов, и ему становилось ясно, что раскрытие подпольной вредительской организации временно откладывается.

-А что это за письмо? -он раскрыл и положил передо мной инструкцию по настройке с благоприятным для всей Испании прогнозом погоды.

-Ну, мы сделали прибор, а это инструкция пользователя.

-Вы знаете, что означает эта фраза? Он прочитал " Над всей Испанией..."

- Знаю, -ответил я-это Франко с Канарских островов подал сигнал.

- Даже про Канары знаете? - удивился.

- Зачем тогда пишете?

- Это шутка такая

- Неудачная, не кажется ли Вам?

- Совсем неудачная! -с готовностью согласился я.

Начальник вздохнул. Вся это история стала ему надоедать. Он уже явно давно всё понял.

-Ну хорошо, с письмом ясно. А прибор откуда взялся?

-Да что там за прибор? Трансформатор и два диода. И простейшая плата управления.

Я знал, что прибор уже у Франциско дома и он, если что, закопает его на даче.

-А где вы взяли радиоэлементы?

-Ну это вообще не проблема, на барахолке там целые ряды, запчасти к автомобилю, радиодетали, всё что душе угодно.

Начальник молча смотрел на меня. Я постарался принять серьёзный, но немного придурковатый вид.

Но был мгновенно разоблачён.

- Дураком притворяться не советую.

Он продолжил:

- Что за надписи на иностранном языке были на вашем приборе?

- А это ругательства, по-испански, ну, как бы, испанский мат.

Тут начальник впервые искренне удивился:

- Это-то зачем?

- Ну, чтобы смешнее вышло.

Опять помолчал, подумал.

- Ну и как Вы сами считаете, смешно получилось?

- Не получилось- совершенно искренне признался я.

Помолчал пару минут:

- Я на полчаса выйду, а Вы напишите мне три документа:

- Всю эту историю с "электрификацией" вашего замка;

- Подробный перечень всех Ваших знакомых и друзей;

- И точный перевод ваших надписей... испанских.

Хмыкнул и вышел.

Версию истории создания прибора я уже изложил выше.

Перечень знакомых и друзей я разделил на три группы:

В первую поместил сотрудников ЛНИРТИ.

Сначала шли:

Явич, Арон Абрамович- директор

Славич, Мирон Николаевич- гл. инженер

Кухлевский, Афанасий Иванович- гл. конструктор

Замыкал список мой бедный Варакин.

Во вторую группу вошли представители партийных и комсомольских органов и начальники,

начиная с секретаря горком КПУ по культуре.

Директор реставрационного центра Иван Могитыч, секретарь обкома комсомола Глушко, ответственный за проведения КВН во Львове, неплохой парень, мы с ним иногда встречались. Комсорг, профорг и парторг ЛНИРТИ и т.д.

В третью группу я всунул всех друзей и знакомых, начиная со школы и института и мои истинные друзья: Вова Т, Валера Э, Люсик Ф. и другие в этом перечне совсем затерялись.

Список вышел на страницы 3-4, и я сам удивился- какой я общительный.

Наибольшее удовольствие мне доставил документ номер три: перечень страшных матерных испанских ругательств и точные аналоги этих определений и действий на русском языке. На испанском они выглядели безобидно. Но их точный перевод на русский затмевал надписи всех общественных туалетов города Львова, Киева, Москвы и т.д.

Запись полного списка на кириллице, столбиком производила ошеломляющее впечатление.

Некоторые литераторы и филологи с гордостью считают, что русскому мату нет аналогов в иных языках. «Великий, могучий ...» и пр. Я вынужден их разочаровать. Испанский мат не уступает в красочности и самобытности. Более того, при описании определённых действий он, как бы это помягче сказать, даже более изобретателен и изощрён.

Начальник вернулся минут через сорок. Я как раз дописывал последние испанские ругательства и их перевод, боясь ошибиться.

Прошло уже больше трёх часов, и я чувствовал усталость. Я всё время находился в состоянии максимальной собранности и внимательности. Даже валяя дурака, я старался рассчитать каждый свой последующий шаг. Удивительно, но чувства страха я не испытывал (был молод), хотя серьёзность положения и грозящую мне опасность ощущал.

Вот сейчас, через более чем 45 лет, понимаю, что ощущал не до конца. Всё могло закончиться полной катастрофой. Ну, например, обвинили бы нас в хищении и присудили "двушку».

Совершенно реально. Толик Свириденко через год- полтора так и сказал Вовке Т.: а зря я не засадил вас тогда на пару лет.

Прочитав мои печальные труды до конца, начальник неожиданно спросил:

- А сколько, Леонид Михайлович, Вам лет?

- Тридцать,

- Женаты?

- Да.

- Дети есть?

- Сын...

И сделал совершенно верное заключение:

- 30 лет и такой, извините, дурак.

Как я понял, это был высокий чин и занимался он "серьёзной" работой.

Присланное из Москвы дело попало вначале к нему. Он сразу понял, что шпионов и диверсантов здесь нет, а всё остальное-это было не по его части.

Предупредив, что о состоявшемся разговоре я не имею право никому говорить и что, если я понадоблюсь, меня найдут, он вызвал Свириденко и отправил нас обоих на фиг.

Поскольку Свириденко ещё не был поставлен в известность о результате допроса, всю дорогу до ЛНИРТИ он молчал.

Я даже не подозревал, как серьёзно изменит эта история всю мою последующую жизнь.

Седьмой «реперный знак» стал той точкой отсчёта, начиная от которой моя жизнь сошла с прямого пути и повернула резко в сторону.

Я уехал около 10 утра, а приехал ближе к четырём. Варакин встретил меня, как будто я ходил на полчаса на обед, и только в конце дня, не выдержав, поинтересовался:

- Ну как, жив?

- Вроде- ответил я

Он что-то неопределённо буркнул и больше к этой теме не возвращался.

Органы

Начиналась нудная тягомотина, и мне надо было быть к ней готовым.

Я понимал, чем дольше я протяну, чем позже я скажу окончательное и бесповоротное "идите на хрен"- тем больше буду необходим на работе и тем устойчивее будет моё положение.

В это время в институте был сформирован новый отдел микроэлектроники. Предстояло развитие нового направления: сверхвысокочастотной (СВЧ)-микроэлектронной аппаратуры, нового не только в институте, но и в Союзе. Мне предложили руководство конструкторской группой, и я согласился. Начальником сектора была милая женщина Светлана Геннадиевна Полушина, человек исключительной интеллигентности и порядочности, с которой мы, с одной стороны, через два-три года уверенно вышли в лидеры этого направления не только в нашем Министерстве Радиопромышленности, но и в Союзе в целом. С другой стороны, мои непростые взаимоотношения с властью она принимала так близко к сердцу...

Недели через две мне позвонили из первого отдела и пригласили зайти. В кабинете начальника я застал своего хорошего знакомого-лейтенанта Анатолия Свириденко, изобразившего искреннюю радость от встречи. Он попросил Богача «организовать нам по стаканчику хорошенького чайку» и оставить наедине. Начались идиотские разговоры на тему как дела. Я прекрасно понимал, к чему он клонит, и абсолютно точно для себя решил, что пошлю всё его ведомство вместе с ним на хер. При этом мне совершенно не хотелось терять работу, которая всё больше мне нравилась. Одновременно я чувствовал, что, как иронично выразился его начальник, история с «электрификацией замка», была далеко не закончена. На первом свидании мы выпили по два стакана чаю (бедный Богач таскал стаканы), и я подробно объяснил тов. Свириденко все технические сложности развитие СВЧ- микроэлектроники, утомив его до невозможности. А тут зашёл Богач и объявил, что рабочий день закончился. Я схватился за голову:

- Да у меня там...

А через пару дней оформил командировку и смылся дней на десять в Москву. На следующей встрече на прямой вопрос, а где же сейчас прибор, ответил, что понятия не имею и, по моим сведениям, он должен быть у его московских коллег.

Морда Свириденко перекосилась.

Франциско мне объяснил, что в Москве у нашего любимого ГБ до хрена своих, серьёзных дел и, когда им позвонил дядя жены Франциско- Нонны,- достаточно высокий чин в Министерстве обороны- и объяснил, что у его единственной и любимой племянницы срывается выставка из-за несчастного ящика, ему наш прибор отдали и забыли про всю эту историю. В случае, если Львов запросит Москву – мол, а ящик где? -их просто пошлют на хрен. Но отстать от меня Свириденко не хотел, а, может, уже и не мог, кто его знает?

Может, факт, что "мы вступили в контакт", где-то фиксировался.

Примерно через месяц, после вокруг да около, начались разговоры на тему, а если Родине нужна будет ваша помощь, готовы ли Вы её оказать?

Я обещал приложить все силы и закончить разработку очередного прибора на неделю раньше срока. Я уже понял Свириденко- человек не большого ума, но жестокая гадина.

Помню такой случай, я подал заявку в профком на какие-то путёвки на море с сыном Ильёй. И вдруг, на очередной встрече, он как бы между прочим: я вот слышал, Вы хотели бы ... так Вы мне скажите... может, ещё чем помочь? Не стесняйтесь.

Мне сразу перехотелось на море.

Встречались мы регулярно, примерно раз в две-три недели, в первом отделе. Я валял дурака и тянул резину, а Свириденко, вероятно, надеялся психологически меня уломать.

Всё это тянулось уже около трёх месяцев. И я понимал, моё спасение, если оно возможно, только в одном- я должен быть так нужен на работе, что обойтись без меня будет непросто, а лучше и вообще невозможно.

Я работал как проклятый. Начинал разработки с новыми, ранее не апробированными решениями. Я был уверен, что в состоянии довести их до конца. Хватило бы времени...

В наших задушевных беседах продолжалось бессмысленное «вокруг да около»:

-Так ты будешь помогать?

-Я помогаю.

- А вот написать, кто и что...

- А этого не буду.

-Родину не любишь?

- Б..ь буду, люблю,

- Так писать будешь?

- Не буду.

И так по три- четыре часа подряд.

Свириденко приходил примерно раз в две-три недели и вызывал меня в первый отдел.

Как- то я подумал- а давай, упаду-ка я в обморок. Закатил глаза, начал покачиваться. А этот дурак, но, видно, я у него не первый:

- Не вздумай падать здесь в обморок, сука!

Мы начинали ссориться.

А я спокойно, как бы придя в себя:

- Почему?

Светлана Геннадиевна видела, что-то со мной происходит. Пропадаю на три часа, прихожу сам не свой. А потом начинаю остервенело работать, остаюсь до семи- восьми, стараюсь наверстать. Пыталась выяснить:

- Лёня, что с Вами?

Я отшучивался:

- Влюбился.

Она пожаловалась Юре Витеру, мы вместе с ним были 4-5 лет назад ведущими инженерами, но к этому времени он уже стал нашим начальником отдела, а я- вечный ведущий.

Директор ЛНИРТИ Арон Абрамович Явич сказал и Варакину и Полушиной: не просите о повышении должности для Каплана. Зарплату- пожалуйста, премии- когда попросите, а должность не могу, сами понимаете почему.

Как-то сижу я после работы, заходит Юра:

-Лёня, а ты, как всегда, один, что-то не выходит?

Я говорю, что не знаю, выходит или не выходит, надо быстро закончить проект, изготовить и попробовать.

- А если не заработает? -спрашивает.

- Тогда разобраться почему и всё по новой.

-Может, лучше так, как в Зеленограде, в НИИ Микроприбор?

- Так вообще никогда не заработает. Они же сами говорили, что у них всё работает до частоты в один гигагерц и то хреново, а у нас частота входного сигнала почти 3,5. Да и делали они лишь отдельные, маленькие узлы. А тут целый приёмопередатчик.

Тогда он:

-Лёня, а что с тобой в последнее время вообще происходит? Света Полушина сидела у меня, чуть не плакала...

Ладно Юра, думаю я, наверняка ты всё знаешь, и говорю:

- Вот об этом, Юра, я не имею права говорить.

Его, бедного, аж перекосило.

- Как не имеешь права?

Делает удивлённые глаза.

- Юра, мы не первый год друг друга знаем. И мне кажется, ты догадываешься, в чём дело.

Юра подумал:

- А может найти какой-нибудь компромисс?

- Юра, я хочу сегодня этот узел закончить. Извини, я обещал завтра отдать в производство.

Через пару дней состоялся "последний и решительный" разговор.

Приходит эта гадина. Звонит по телефону. Испуганная Полушина (видно Юрка ей всё рассказал):

- Лёня, Вас снова просят зайти в первый отдел.

Смотрит на меня, как прощается....

А мне вдруг стало на всё насрать.

- Светлана Геннадиевна- говорю- всё будет хорошо. Не переживайте. Сделаем мы с вами эту "Перспективу" (так называлась тема разработки СВЧ-приёмопередатчика).

Прихожу. Этот козёл кладёт передо мной листок бумаги и говорит:

- Пишите. Расписка. Я, Каплан Леонид Михайлович, обязуюсь сообщать...подписывать донесения буду тайным именем...

- У тебя хобби есть?

Я не понял:

- Что? Какое хобби?

- Ну там марки собираешь, или радио? Ну свободное время, как проводишь? Мне стало смешно.

- Я в свободное время книжки читаю.

Это его почему-то удивило. Книжки?

- Ну ладно.-Подписывать буду тайным именем «Читатель»-. Теперь роспись и дата.

- Я уже- сто- раз- Вам- говорил- я-это-подписывать-не буду.

По слогам как ребёнку говорю я ему.

Тут он сорвался.

-Ты мне три месяца яйца морочил, да ты знаешь, что я с тобой сейчас сделаю...

А я спокойно так:

- Бить будете?

Он взбеленился. Но тут заглянул испуганный Богач:

- Ребята, вы спокойней, там народ, в коридоре всё слышно...

Понизил тон.

-На коленях приползёшь, землю жрать будешь.

Это дословно. Помню перекошенную рожу. Прокол вышел у спецработника.

-Последний раз спрашиваю. Подпишешь?

- Ну я уже всё сказал, хватит, мне работать надо.

- Ты у меня поработаешь..., в другом месте...

Достаёт новый чистый лист.

- Пиши. Расписка.

- Так я уже писал, зачем снова?

-Это другое.

- О состоявшемся у меня разговоре с ... Обязуюсь никому... Понимаю, что в противном случае понесу уголовную ответственность по статье .... Число и подпись.

Я расписался.

- Теперь я свободен?

Скотина Свириденко:

-Это мы ещё посмотрим...

Как бы, там дальше видно будет, поживём- увидим.

Небольшое «путешествие во времени». Относительно недавно, после просмотра фильма Ильи Хржановского «Дау. Наташа», мне снова вспомнились моё общение с КГБ. До бутылки, как в фильме, дело не дошло, были уже другие времена, но психологическая обстановка, манеры обращения кураторов КГБ пугающе совпадали. Традиции.

Продолжим. На этом дипломатически обострённом разговоре закончился мой цикл бесед с лейтенантом Свириденко. Я чувствовал, с одной стороны, с меня, как бы страшный груз свалился. Абсолютная убеждённость - ни тени сомнения, сожаления: ну будет, как будет.

С другой стороны- голова раскалывается и руки дрожат.

Зашёл в комнату. Моя бедная Полушина места себе не находит. Девчонки, топологи замечают, что-то происходит. Затихли. Рисуют особенно усердно.

Полушина молча сделала мне крепкий чай и подсунула шоколадку. У неё был запас, она любила сладкое. А потом спрашивает: не пойти ли Вам Лёня домой.? По-моему, у Вас температура... Оформила мне увольнительную записку, и я ушёл.

На свободу. С чистой совестью.

У меня не было особых иллюзий. Я понимал, это не конец истории.

«Продолжение следует». Но продолжал напряжённо работать. И ждал.

Почти все новые, разрабатываемые в институте темы, были связаны с радиолокацией, а значит требовали разработки СВЧ- устройств. И всё больше СВЧ- приборов разрабатывалось в микрополосковом исполнении, т.е. в моей группе. Меня это устраивало. Я был востребован, а значит, в какой-то мере, защищён.

Вызовы в первый отдел прекратились.

Но как-то, придя в «рабочую комнату» просмотреть последний номер закрытого журнала "Вопросы радиоэлектроники", я получил удивительный ответ:

- Вас нет в списках сотрудников, которым разрешено ознакомление.

Это был первый неприятный звоночек.

Затем мне понадобилось ехать в командировку в Питер. Я пошёл к Светлане Геннадиевне, а она как-то виновато прячет глаза:

-Лёня, поговорите с Юрой Витером, начальником отдела, я про него уже писал.

Никуда я не пошёл. Мне примерно всё было понятно. Я ждал, сами выйдут на разговор.

Через день- два звонит Витер:

-Лёня, зайди ко мне.

Прихожу. Он мнётся, не зная, как начать. И потом прямо:

- Мы как-то с тобой говорили на тему первого отдела, ты точно всё решил? Не передумаешь?

Блин, думаю, что опять всё сначала? Отвечаю, что точно, и не передумаю.

И Юра мне объясняет, что пока (??) я буду работать, как работал. Но справку в первом отделе о допуске к закрытым документам мне выдавать пока (??) не будут.

Если, говорит, нужна будет закрытая литература, обращаться к нему, он будет для меня брат, если надо куда-то подъехать в командировку, будем посылать моих ребят, например Славу А., моего старшего инженера, я ему буду писать перечень вопросов, и он будет привозить мне ответы.

- Всё понятно?

- Понятно.

Так продолжалось примерно полгода. Кроме Полушиной, с которой я на эту тему не говорил, не хотел расстраивать, и Витера никто ничего не знал. О чём-то догадывался мой Варакин.

Примечание: Я уже писал, что свою работу, её сложность и новизну и, следовательно, мою необходимость для её завершения, я выбрал как основной метод противостояния с «властью». Чтобы каким-то образом подтвердить эффективность метода, мне придётся в дальнейшем эту работу описывать. Не

для всех, кто удосужится прочитать этот опус, будут ясны эти описания и терминология. Я попытаюсь сделать это минимально просто, коротко, с необходимыми пояснениями и выделю *курсивом*. И читатель, от техники далёкий, сможет просматривать данные части текста «по диагонали».

А пока приведу пример одного из способов моей работы при отсутствии допуска:

В первом отделе института хранился "Transponder"- американский СВЧ-приёмопередатчик. Прибор устанавливали на военные самолёты США для определения "Свой/Чужой". Его секретность определялась, вероятно, лишь способом попадания в наши руки.

Конструкция его была выполнена просто блестяще. Входной коаксиальный фильтр, выполненный из титана, а остальные СВЧ-узлы в полосковом исполнении. Была известна частота, на которой он работал. Если бы нам удалось воспроизвести макет этого прибора на наших материалах, можно было бы открыть НИР по разработке такого же устройства в нужном нам диапазоне частот.

На первый взгляд работа не очень сложная. В СВЧ существует прямая зависимость между частотой и геометрическими размерами. Но что-то не сходилось. Даже размеры коаксиального фильтра не соответствовали указанной частоте. А с полосковыми линиями положение было ещё сложнее. Я не знал материала, из которого выполнялась это полосковая линия, а значит, не мог определить величину коэффициента диэлектрической проницаемости, что затрудняло расчёт.

Но периодически я приходил в первый отдел, снова всё измерял и пытался понять, как при заданных размерах получить частоту, указанную в секретных документах! Это американский прибор и его частота секретна для тех же американцев!

Теперь же прибор мне в руки не давали. И приходилось Витеру, как «причастному к тайне», таскать эту железяку в свой кабинет и обратно. Через примерно полгода эта история надоела всем. Когда в очередной раз пришло письмо с просьбой направить меня для согласования каких-то бумаг в Москву, и я передал его Светлане Геннадиевне, она задумалась. А потом слышу, набирает приёмную, просит соединить её с Явичем и спрашивает:

- Арон, мне надо с тобой поговорить, зайти можно?

Надо сказать, что муж Светланы Геннадиевны работал у нас заместителем главного инженера, руководил разработкой измерительной техники. Они вместе с Явичем начинали создавать СКБ, которое предшествовало ЛНИРТИ.

Полушины дружили с Явичем семьями. Единственные в институте.

Но щепетильной до ужаса Полушиной даже в голову не могла прийти мысль использовать личные связи в служебных целях. Явич был деспот и панибратства не допускал. Боялись его все, включая заместителей, как огня.

А тут на ты- Арон.

Позвонила кому-то ещё и вышла. Не было её часа два. Пришла к концу рабочего дня, забрала сумку и сразу ушла.

Потом произошло подряд два события, которые то ли связаны, то ли нет. На общем собрании актива института Явич прилюдно обвинил начальника первого отдела Богача в небрежном исполнении служебных обязанностей и через неделю Богач был уволен.

А ещё через неделю зашёл в комнату к нам Юра Витер и как бы между прочим сказал:

- Лёня, там в Москву надо подскочить на пару дней, зайди в первый отдел, возьми справку о допуске.

Повернулся и ушёл. Смотрю на Полушину, а она мотает головой, мол иди. Кто и как это сделал я не знаю. Думаю, Полушина ходила к Явичу. Может, захватила для поддержки Варакина и Витера- двух начальников отделов. Оба прекрасно меня знали и хорошо понимали мою роль в новых разработках. Я проверил, их в это время тоже не было на рабочих местах, и никто не знал, куда они подевались. Не знаю.

Может и само "рассосалось".

История на этом не закончилась; она имела продолжение, но я понял, что у меня появился конкретный и серьёзный противник. Необходимо соблюдать хоть минимальную осторожность, и пора «взрослеть», отбрасывая идиотские юношеские выходки.

Это можно считать моим восьмым серьёзным решением, **восьмым «реперным знаком»**.

А пока я продолжал работать.

Меня уже не устраивало просто разработка отдельных приборов СВЧ - микроэлектроники. Я понимал, пока теоретически, возможность создания типовых методов конструирования и создание конечного ряда унифицированных, базовых конструкций для практически всех видов СВЧ-устройств в микроэлектронном исполнении. Пока в диапазоне частот до 4ГГц., а там видно будет. С возможным применением систем автоматизированного проектирования (САПР). Я замахивался на большее.

И тут произошло следующее: в конце 70 годов начался массовый выезд евреев в Израиль и дальше- в США, Канаду.

В конце 1979 году уехал мой близкий друг со школьной скамьи Иосиф (Люсик) Ф. Перед его отъездом я пообещал, что пересажу положенные для окончания срока допуска 5 лет и присоединюсь к нему.

Пришло понимание. Эти "ОРГАНЫ"- они какие надо Органы.

Я напишу диссертацию, получу кучу положительных рецензий, а за неделю до защиты какой-нибудь новый Анатолий Свириденко с порядковым номером два поставит меня перед выбором: или я подписываю его мерзкую бумагу, или меня снимают с защиты.

А способ они найдут.

В середине 80 годов, когда я уже ЛНИРТИ покинул, группа сотрудников, в том числе и ребята из моей группы, получили престижную Госпремию Совета Министров СССР. И я ни минуты не сомневаюсь, что перед внесением моего имени в список состоялась бы снова аналогичная беседа и мне поступило бы "предложение, от которого невозможно отказаться".

Я принял решение увольняться, лишаться допуска и уезжать. Мне всё вокруг надоело.

Всё, кроме самой работы. А остальные сараи и хаты...Да пусть горят они синим пламенем!

Но сначала мне надо было закончить полностью проектирование и дождаться изготовления и проверки работы моих последних и лучших разработок: бортового СВЧ- приёмопередатчика по теме «Перспектива» и унифицированного ряда СВЧ- микросборок.

С точки зрения личных планов это было глупо: я нашёл место работы во Всесоюзном институте разработки радиоэлектронной медицинской аппаратуры (ВНИКИ РЭМА), прозванным "синагогой" из-за невероятно большого процента работающих в нём евреев.

Во ВНИКИ РЭМА не нужен был допуск.

Но я не мог бросить неоконченными последние работы. Как несовершеннолетних детей.

Я уже сообщил, что ухожу. Выдержал душераздирающие разговоры со Светланой Геннадиевной. Не мог же я сказать прямо- собираюсь валить в Америку- меня бы даже кочегаром не взяли на работу, поэтому врал: начальником сектора меня Явич делать не хочет, вот и ухожу.

Выдержал пять или шесть разговоров с Ароном Абрамовичем-он сулил золотые горы, должность ведущего конструктора темы с окладом выше, чем у начальника сектора, премии, помощь при защите диссертации и объяснял открыто, что еврея на начальника- ну никак!

Когда я окончательно отказался, всё понял.

- Задумал в Америку!!! Пожалеешь, локти кусать будешь!!!

Я вспомнил его слова, когда навещал в Мюнхене Валеру Э. и случайно увидел Явича в продуктовом магазине. Он стоял у кассы и что-то пытался объяснить, не зная языка.

Старый, небрежно одетый. Мне стало его жаль. Да, был самодур, деспот, но именно он создал ЛНИРТИ, организовал оптимальные условия работы и относился к институту, как к своему детищу. И как выгодно отличался он от иных, встреченных мною позже, директоров, безразличных идиотов и воров.

Все бумаги на увольнение были подписаны. Но я не проставлял даты увольнения, ходил на работу и действительно работал.

Народ думал, что это я таким образом выбиваю себе денег побольше, и только Полушина, Варакин и Витер знали: я жду, когда заработают моя бортовая "Перспектива" и микросборки.

Там всё было абсолютно новое и ни на каком макете не проверено. Я думал, если не заработает, я пойму, в чём дело, и мы исправим. А оставлять после себя не доведённое до конца дело, плохой след, я не мог. Всё во мне этому противилось.

Когда же позвонил Слава Кемпа- начальник лабораторного сектора- и сказал, что новый приёмопередатчик работает намного лучше, чем наш предыдущий

вариант, мы с Полушиной зашли к ним, и я ещё раз осмотрел полностью собранный и работающий прибор.

Он был красивый.

Мне и сейчас кажется- это лучшее, что я придумал в жизни. До сих пор, бывает, он мне снится. На весь прибор в целом я получил два авторских свидетельства: "Радиочастотный блок" и «Соединение экранированных микрополосковых плат».

«И посмотрел Б-Г на всё, что Он создал и всё было очень хорошо. Был вечер и было утро- день шестой» - последний мой день работы в ЛНИРТИ.

Это совпало- но была пятница. И я проставил в документах день увольнения- понедельник.

Во ВНИКИ РЭМА

Пока я оттягивал увольнение, во ВНИКИ РЭМА изменилась обстановка.

Пришлось идти в страшную контору под названием "Спецэнергоавтоматика", и только через года полтора я попал в институт. Там произошёл забавный случай, связанный с нашей темой- стоим мы с приятелем, Эдиком В. в столовке с подносами на раздаче и вдруг вижу, впереди меня, метрах в пяти-шести стоит Анатолий Свириденко- старый знакомый- достойный представитель Органов. Я испуганно спрашиваю :

-Ты этого типа знаешь?

Эдик спокойно:

- Мудак технолог, работает на заводе в третьем цехе, Свириденко фамилия.

- Давно работает? - спрашиваю

- Года два, а что, ты его знаешь?

- Лучше бы не знал...

А сам подумал: попёрли чувака из ОРГАНОВ. Может и я к этому руку приложил. Тогда не совсем зря страдал.

Во ВНИКИ РЭМА я резко сменил специальность. И стал заниматься автоматизированным проектированием печатных плат. Это была совершенно новая, до этого незнакомая мне работа. Начав даже не с нуля, а с отрицательного уровня, я освоил и запустил в эксплуатацию систему автоматизированного проектирования печатных плат (САПР ПП), получив через примерно год- полтора первые фотошаблоны, разработанные автоматизированным способом.

Здесь я впервые почувствовал, что значит делать работу, результаты которой никого особенно не интересуют. Хочешь- работаешь, не хочешь - не надо. Примерно так и платили.

Jeszcze Polska nie zginela

Опять вынужден отступить от основной темы повествования.

На мои отношения с властью влияло и «международное положение».

О событиях в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году я уже упоминал.

В начале 80-х годах моей душой завладела Польша.

Создание профсоюза «Солидарность» и Лех Валенса.

Интеллектуалы Яцек Куронь и Адам Михник- идеологи движения.

Первое массовое сопротивление большинства населения коммунистическому режиму;

Забастовки на верфях и заводах.

Анджей Вайда, моё любимое польское кино и польские девушки, вытеснившие из моего сердца юношеские воспоминания о француженках.

Всё это объединилось в моей душе и поглотило меня целиком.

Польский язык для меня почти как украинский, я хорошо понимаю разговорную речь.

У многих обитателей Львова на крышах или балконах самодельные антенны, все смотрели польское телевидение, в основном фильмы. Но меня интересовали политические передачи.

Я покупал все польские газеты и журналы и прочитывал их целиком.

В 1981 году Польша находилась на грани вторжения армий стран Варшавского договора. В последний момент Ярузельский достиг компромисса с Брежневым.

В стране ввели военное положение, но протесты продолжались.

Я понимал: это только начало. Поверил: существует возможность изменения тоталитарного режима относительно мирным путём. «Jeszcze Polska nie zginela.» Перемены коснутся не только Польши, но и моей «страны обитания».

Вся эта система вскоре начнёт разваливаться. А пока я должен жить, ждать и работать.

Назовём это понимание моим **девятым «реперным знаком»**: набраться терпения и ждать.

Покой и воля

В это время меня пригласили на работу в Специальное конструкторское бюро объединения Микроприбор- (СКБ МП.)

СКБ начинало разработку новой большой темы "Спектр", в состав которой входило более 50 цифровых плат размерами примерно 200 на 300 мм и такой плотности, что о ручном выпуске фотошаблонов и, тем более, производстве плат не могло быть и речи.

И тема «Спектр» составляла большую часть бюджета СКБ МП.

В СКБ МП существовал сектор программистов в составе 20 человек, который более пяти лет разрабатывал теоретические вопросы САПР ПП, как

отголоски идей гибкой трассировки Базилевича, а тем временем фотошаблоны всех плат СКБ клеились вручную, липкой лентой. Период глубоких научных исследований явно затянулся. Положение становилось угрожающим. Всё чаще раздавались вопросы:

Где же этот САПР ПП и чем занимаются программисты?

Необходимо было немедленное и реальное внедрение машинного проектирования.

Именно для этого меня и пригласили: спасти финансовый бюджет СКБ МП и при этом репутацию САПР. Мне отводили ответственную роль пожарника-спасателя.

К этому времени СССР ввёл войска в Афганистан. Выезд евреев практически прекратился.

И семейное положение моё коренным образом изменилось. Как уже не раз бывало в моей жизни, всё та же неведомая сила вмешалась в мою судьбу и поставила перед гражданским судом, который постановил: разорвать мои семейные узы, взяв за это всего 200 рублей.

Поэтому, вопрос переезда за океан на неопределённое время утратил свою актуальность. Возможное приобретение вновь какой-либо формы допуска меня не испугало, а его оформление пригласившие меня брали на себя.

Во ВНИКИ РЭМА я вёл полунищенское существование. При переходе в СКБ МП моя зарплата вместе с премией возростала ровно в два раза, и мне предстояла интересная работа, в которой я уже неплохо разобрался. Я был доволен.

О существовании ОРГАНОВ я благополучно забыл; был уверен, что и они поступили также. Ошибался.

Моя новая должность называлась: заместитель начальника отдела. И у меня в подчинении были три сектора. Все, кто имеет отношение к печатным платам: программисты, операторы ЭВМ, конструктора. Практически это большой отдел. Я отвечал за всё, связанное с проектированием печатных плат (ПП): за разработку программного обеспечения, так как делал все постановки задач. За сроки проектирования и возможности изготовления печатных плат. Мне всё это было страшно интересно и нравилось.

Впервые я получил возможность реализовать многие свои идеи, связанные с САПР ПП.

У меня сложились прекрасные отношения со всеми начальниками, включая директора. Им была нужна моя работа. Поэтому они понимали мою необходимость.

Я жил «в жопе мира», на улице Терешковой, ехал на работу трамваем номер два от начальной остановки на ул. Энгельса до конечной остановки «Холм Славы» минут 40 и в это время составлял в рабочей тетради план работ на день.

Забрал сына к себе, перевёл его в лучшую математическую школу города номер 52 и вечером после работы помогал ему с уроками.

Я был свободен и счастлив. Но недолго.

Через примерно месяц меня пригласили зайти в первый отдел. До боли знакомое словосочетание, не так ли?

Далее всё, как лет 7-8 назад. Начальник первого отдела смывается, молодой человек показывает свою краснокожую книжицу.

Опять за старое- думаю. Но я старше его лет на десять. И прошёл хорошую школу. И статус у меня уже другой. И я нужен. Я уже проверил и знал- единственный, для меня, метод борьбы с ОРГАНАМИ - быть труднозаменяемым, а лучше вообще незаменимым.

Начинаются снова идиотские разговоры. Доволен ли работой, хорошо ли коллектив меня встретил, он слышал, есть недовольные... (Стукачи постукивают)

Но и я другой:

-Недовольными моей работой могут быть только главный инженер и директор, если желаете, можем организовать совместную беседу, если у вас нет ко мне вопросов, у меня совещание через 15 минут по поводу запуска на заводе наших программ по сверлению печатных плат на станках с числовым программным управлением (ЧПУ).

Рассказываю ему, как лицу заинтересованному в защите интересов Родины:

- Любопытная история: мы сразу стали передавать на завод фотошаблоны и управляющие программы по сверлению плат на станках с ЧПУ. Фотошаблоны берут, наши лучше, цех другие не хочет, а программы брать не хотят.

На заводе бюро из четырёх баб, которые до меня вручную набивали эти программы, естественно с ошибками, в цеху проверяли, исправляли, потом сверлили. Все при деле. А теперь мы передаём готовую, проверенную программу. И эти бабы не сильно нужны. Саботаж. Поэтому я, играя любимого идиота, а это у меня хорошо получается, предлагаю:

-Давайте наведём порядок. Вместе.

Молчит. Поскучнел. Не царское, мол, это дело. Потом:

-Вы знаете, у меня другая специальность.

Тут я обрадовался. Повторяет, собака, мои слова, я их лет 7-8 назад говорил:

- Вот-вот- говорю - так вроде и у меня другая. У нас с Вами специальности разные.

Молодой человек, видно, совсем новый, смешался.

- Если у вас сейчас нет времени, мы созвонимся...

- Хорошо, созвонимся.

Через неделю звонок: уже другой голос, постарше и поуверенней.

Предлагает встретиться на ул.Дзержинского, напротив главного входа в здание КГБ.

Здоровый мужик отпирает дверь в доме.

Комната, стол с красной скатертью, на стенах большие плакаты с детальным изображением конструкций пистолетов Макарова, Стечкина и др.

Уже часов семь. И мне ещё с Ильёй заниматься. А он сразу:

-Почему отказываетесь сотрудничать? Не хотите помогать Советской власти? И суёт бумагу:

-Садитесь, пишите.

Текст тот же, только кликуху-«погоняло» другое дали.

- Я уже Вам говорил, подписывать не буду.

Мужик мне серьёзно и внушительно:

-Мы как раз решаем вопрос с Вашим допуском. Не получите допуск, отстраним от работы. Ладно, уже поздно. Подумайте до завтра. Вот вам телефон, перезвоните.

Приехал я домой и что-то мне так хреново стало. Чуть позанимался с Ильёй и чувствую - подыхаю. Уложил его спать. Сказал маме- я погуляю. Вышел на улицу и думаю, что за свинство, вот вроде и работа интересная, и хоть какие-то деньги появились, и живу дома, мне с Ильёй и мамой уютно. Опять всё ломать? Опять искать работу? Опять за копейки? Опять какая-нибудь дыра...

Впервые за всё время мысль подлая посетила, а может подписать, а там как-нибудь пронесёт...Обойдётся...Схитрю...

Я вообще не курил, а тут стрельнул у мужика сигаретку, сел на лавочку возле дома, закурил.

Вдруг чувствую, голова кругом пошла, и меня какая-то дрожь внутренняя пробирает, аж плечи и спину сводит, руки трясутся.

Сидеть не могу, хожу кругами, никак не успокоюсь- одна мысль в голове:НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ !!!

Нельзя. Всё фигня и чухня. А этого делать нельзя.

Вот если есть ад, то всю эту ночь я провёл в самом пекле.

Мама не понимает, думает, заболел, а что я ей скажу? Она мне капли валерьянки. Всю бутылку выпил- не действует. Лежать не могу, мечусь по маленькой спальне.

Чувствую- начинаю потихоньку съезжать с катушек. Илья проснулся- испугался:

-Папа, ты чего?

Еле успокоил.

За ночь не прилёг ни на минуту.

Вот и сейчас пишу, вспоминаю это состояние, и руки дрожать начинают.

Никогда, ни до этого ни после ничего похожего со мною не было.

Еле дотерпел до утра. Отвёл Илью в школу и ровно в 9 звоню с автомата на Дзержинского:

- Я тут, под вами, хочу поговорить.

Голос дрожит, срывается, говорить не могу, он почувствовал:

- Что с Вами? Сейчас выйду.

Выходит. Я ему:

-Это ваше дело, хотите давайте допуск, не хотите не давайте. Я вам последний раз категорически говорю: я подписывать ваши бумаги не буду. И вы запишите название темы- "Спектр"- и узнайте у руководства, как они его собираются делать...

Вдруг замечаю, что это всё я ору в полный голос у центрального входа в ихний КГБ.

Проходящий мимо народ испуганно сторонится, а он тянет меня в сторонку и успокаивает:

-Леонид Михайлович, Вы потише, пожалуйста.

Вижу из проходной сотрудницы выглядывают, а это ему не в плюс, лишний шум этому народцу ни к чему.

- Успокойтесь. Мы созвонимся.

Я прошёл до остановки трамвая и поехал на работу; меня все ищут, звонили домой. Мама им сказала, что со мной ночью было что-то странное, а утром я ушёл, вроде на работу.

Зашёл в подсобку к электронщикам, они постоянно что-то чинили: то координатограф, то ЭВМ СМЗ. Ведущий инженер- Слава Брискин. Я к нему: Славик, налей спиртику, а он:

- Прямо так, с утраца?

Потом посмотрел на меня поверх спущенных на нос очков:

-У меня со вчера осталось немного, уже разведённый и с лимоном. Закусить дать? Тут полбанки бычков в томате с вечера в холодильнике.

Я выпил, закусил. Сижу. Славка смотрит. Хороший и умный Славик Брискин:

- Может, полежать, немного? Славик уложил меня в фотолаборатории на маленький диванчик, и я проспал до конца работы, а потом наш фотограф- мой хороший друг Бодя (Богдан) отвёз на своём старом Москвиче домой. Ходить я не мог. Шатало.

Я вот и сейчас думаю, что со мной тогда произошло? Почему такая дикая, на первый взгляд неадекватная реакция?

Думаю, я испытал в полной мере то состояние, которое в литературе называется "искушение".

Я на мгновение представил возможность "пойти на сделку".

На что весь мой разум, весь организм воспротивился: *«...всем сердцем своим, и всей душою своею, и всем существом своим...»*. Это определение из «Шма Исроэл».

Мне был дан знак: да ни за что на свете; сдохнешь, но по этому пути не пойдёшь.

Этот знак я воспринял однозначно.

Я понимал, что так просто они не отстанут. Но решение я принял и надо было только придумать стратегию разговора.

Через пару дней мне позвонили прямо в отдел и предложили встретиться снова. Я спокойно, но холодно ответил, что не вижу смысла снова встречаться и я уже всё сказал.

Но молодой человек (тот первый) говорит, что со мной желает встретиться сам начальник отдела и встреча не займёт много времени. Он предлагает довольно странное место встречи: в Стрийском парке, на скамейке, напротив озера с лебедями. Как с девушкой.

Пришёл я минут на 5-10 раньше. Подходят двое и в одном из них я узнаю знакомого- он закончил Политех вместе с нами, но по специальности РТ- радиотехника. Он и спортом занимался, то ли фехтованием, то ли ещё чем. Я говорю:

-Вот неожиданная встреча. Давно не виделись.

Он в ответ:

- Да, время бежит...

Сделал паузу, помолчал.

-Давайте на Вы.

-Мне мой сотрудник- он назвал имя отчество молодого человека- говорит, что Вы упорно отказываетесь оказывать нам помощь. Я помню- Вы были весёлый, общительный, коммуникабельный. Вы не могли бы объяснить Ваше поведение? Или у Вас есть проблемы в отношениях с Советской властью? Объясните, пожалуйста.

Вежливо, но настойчиво.

И я запел заученную арию:

-Вы прекрасно знаете мою биографию. У меня не было и нет никаких проблем во взаимоотношениях с Советской властью. Меня политика вообще не интересует....

И сделал театральную паузу.

- Ну, тогда я не понимаю, в чём дело? Отзывы о Вашей работе самые положительные. Если Вам нужна будет какая-либо помощь, мы Вам всегда её окажем, в чём же дело?

Великий Станиславский, он же наполовину Немирович- Данченко учил: выдерживайте паузу правильно. На сцене это важно. Держите зрителей в постоянном напряжении.

Я тяжело вздохнул и немного помолчал, как бы глубоко задумался:-трудные вопросы задаёте, товарищ полковник- должен был выразить весь мой вид. Ох, непростые...

И как бы в глубоком раздумье:

- Вы, вероятно, в курсе дела, у меня сейчас в жизни непростой период- опять глубоко вздохнул.

- Ушла жена, семья разбита....

Опустил голову, как бы переживаю и думаю о своей нелёгкой доле.

Смотрю- мои идиоты- товарищи тоже пригорюнились "понимаем, мол, сочувствуем"

Я, словно припоминая:

-Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин верно заметил- на то и гений- "на свете счастья нет, а есть покой и воля". Выходит, что счастья в жизни у меня нет- сделал я печальный вывод. Вздохнул и снова замолк. Так вошёл в роль- самого себя жалко-сейчас слёзы польются...

-Остались лишь покой и воля...

-А то, что вы мне предлагаете лишает меня последнего:

- И покоя, и воли.

- И какой тогда для меня смысл в этой жизни? Медленно и печально, с такой затаённой угрозой- смотрите, могу ведь и с жизнью покончить. И записку оставить: «в смерти моей прошу винить...» и дальше ваши звания, фамилии. И надо Вам это?

Основатель Львовского Студенческого Театра Борис Озеров, просматривая как-то мизансцену из КВН с моим участием, сказал, что в жизни не видел худшей актёрской игры, чем у Каплана. Жаль, не сидел он с нами напротив этих заспанных лебедей. Может, и взял бы меня на трагические роли.

Во всяком случае на моих зрителей я впечатление произвёл.

Они помолчали, потом поднялись, пообещали позвонить, и направились к выходу.

Были ли на их глазах слезы? Сомневаюсь, но задуматься о бренности жития я их заставил.

Звонков больше не было. Но через пару месяцев случайно столкнулся в СКБ со своим "молодым человеком".

Он вежливо поздоровался, и как бы между прочим сказал, что я произвёл на его начальника самое благоприятное впечатление. Я ответил, что тоже был рад встрече со старым знакомым, переводя этим разговор на личный уровень.

Мне показалось, что эти ребята тоже почувствовали наступление перемен.

Пришёл Горбачёв и чекисты занялись серьёзными личными делами. Им стало просто не до меня.

Для себя я понял: бороться с ОРГАНАМИ трудно, но можно. Хоть правильнее будет избегать встреч с ними. Уж очень дорого обходятся мне эти встречи.

Это было десятое по счёту решение. **Мой десятый «реперный знак.»**

Все задуманное, что необходимо было сделать в СКБ МП, я закончил.

Разработка ПП с помощью САПР работала безукоризненно.

Производительность труда конструкторов возросла более чем в два раза.

Специальные программные средства повысили технологичность сверхплотных плат и обеспечили возможность их серийного изготовления.

Я испытывал "чувство глубокого удовлетворения".

Но вокруг всё менялось. Экономика Союза разваливалась на глазах. СКБ МП как относительно небольшое предприятие раньше иных почувствовало приближение тяжёлых времён. Ко всему ещё прошли выборы нового директора. И вместо разумного и опытного народ избрал демагога и популиста, которого интересовали только лишь деньги.

Вырвался

Тут меня пригласили на разговор в НИИ Телевизионной техники объединения "Электрон» (НИИ ТТ). Ситуация у них была точно такая же, как в СКБ МП перед моим приходом. Существовали два отдела САПР по 15-20 человек в каждом. Программисты в течении многих лет писали программы и закупали новую технику. Серьёзная, глубоко научная работа.

А все фотошаблоны ПП продолжали делаться вручную- клеились липкой лентой.

Ни один САПР не был внедрён. Всё чаще задавались неприятные вопросы: что делают программисты отдела? Нужно было срочно всё менять. Вот и нашли меня.

Важная особенность: у них ещё были деньги. Телевизоры "Электрон" успешно продавались. Я попросил встречу сразу с директором — Юрием Андреевичем Медведевым.

Принёс и показал ему с десятков фотошаблонов пострашнее, выполненных на нашей САПР.

На естественный вопрос, как я собираюсь наладить проектирование ПП в его НИИ ТТ, я, как и полагается еврею, ответил вопросом на вопрос:

- Сколько, приблизительно, печатных плат Вам необходимо разработать в месяц?

- Ну, до 30-40 больше вроде не было.

- Сколько конструкторов занимается разработкой печатных плат?

- Два сектора по 15-20 девушек в каждом, но там вечно половина в декрете по уходу за ребёнком, а вторая половина беременна.

- Сколько программистов в секторе САПР печатных плат?

- Человек 10-15; но есть ещё сектор САПР общего назначения, там человек 25.

И куча техники: ЕС ЭВМ, несколько ЭВМ СМ4, АРМ2, РС, координатограф и др.

Медведев предложил собрать все сектора САПР и технику вместе и подчинить их мне. Сделать структуру, как в ЛНИРТИ. Я отверг эту идею категорически и предложил свою.

Создаём отделение, в котором два конструкторских сектора, сектор САПР печатных плат, техника-АРМ2, РС, координатограф, пара сильных электронщиков для поддержки и фотолаборатория. Построим систему проектирования ПП в едином замкнутом цикле.

Медведев вначале не понял.

-А зачем всё в одну кучу: конструкторов, программистов, фотолабораторию, электронщиков?

Я отвечаю:

- Вы хотите существенно увеличить количество разрабатываемых плат и повысить их технологичность?

Из построенного фирмой "Toshiba" телевизионного завода каждый день уходил эшелон из 10-12 вагонов, набитых телевизорами. Некоторые платы изготавливались до 1000-1500 штук в день. Снижение брака при изготовлении ПП на 5-10 % давало колоссальный экономический эффект. А ошибки стоили очень дорого.

И продолжаю:

-Представим себе, я согласился на предложенную Вами структуру. Мы разработали новое программное обеспечение и продемонстрировали его вам. Вы посмотрели- вроде всё в порядке. А платы не идут. Конструктора жалуются- программы не работают.

Я жалуясь: конструктора тупые, не хотят и не могут освоить новые методы работы. А тут ещё приходим мы все вместе и жалуемся на фотографа, который напился и засветил партию срочных фотошаблонов.

И раз в неделю у Вас в кабинете суд присяжных - ищем виновных.

Мой вариант совершенно прост - я получаю заказ и выдаю разработанную плату. И если что не так, у Вас один виновный- Каплан Леонид Михайлович. И суд присяжных не нужен.

Всё что внутри- это мои проблемы.

Медведев задумался:

- А кто отвечает за план?

- Я

- А если приходит срочное изменение с завода?

Это одно из самых неприятных и частых событий в массовом производстве- вместо одного электрорадиоэлемента внезапно поступил иной. Надо менять всё: фотошаблоны, программы изготовления и контроля и пр. И не дай Б-Г ошибиться. Тысячи плат!!! А остановиться, даже на день, завод не может.

- Тоже, естественно, я.

- А вы уверены, что всё пойдёт?

- Я уверен, что по-другому не пойдёт.

Медведев задумался. Поворачивается к Главному инженеру- как тебе?

А тот:

- С твоей и моей точек зрения - у нас забот на порядок меньше- мы общаемся с одним человеком. А что он будет делать, когда всё завалится?

Я, как-бы, спрашиваю:

- Но хуже, чем сейчас не будет?

Оба засмеялись, и я понял, что с этими людьми я сработаюсь.

- Только у меня есть ещё два условия.

Они уже смеются.

- Со мной приходят два человека сразу. Я с ними начинаю. Я прошу разрешения принять ещё пять- шесть человек в течении месяца. А взамен, уволить или перевести в другие отделы не меньше десяти- пятнадцати человек, которые мне могут только мешать.

У меня уже был неприятный опыт. В отделе всегда есть любовницы, жены друзей, начальников, с которыми тяжело. Трудно заставить хорошо работать человека, если его сосед или соседка бьёт баклуши и целый день болтает.

Меня приняли на должность начальника отделения и одновременно Главного конструктора ПП, что обеспечивало мне максимальную зарплату.

Со мной пришли мой начальник сектора программистов Роман Панчак и ведущий инженер Ларина Усова, пожилая дама и отличный программист. Мои верные соратники по СКБ МП.

Из ЛНИРТИ перешли Юра Масютин и Виталик Григорьев. С Масютиным наши взгляды на развитие САПР несколько отличались, а Виталик здорово мне помог. Он стал моей правой рукой, передаточным звеном от меня к программистам и от программистов к пользователям.

Как раз появились первые персональные компьютеры (PC). У меня было сначала четыре, а в конце двенадцать PC в основном 386 серии и выше. Всё пошло с самого начала быстро и хорошо. Мы захватили всё наработанное и освоенное нами программное обеспечение для автоматизированных рабочих мест второго поколения (АРМ2) и быстро его запустили. Это был первый этап.

Через две- три недели с клейкой плат липкой лентой было покончено и отделение перешло полностью на машинный выпуск фотошаблонов и программ для сверления ПП.

Ещё через недельку мне позвонил начальник отдела кадров и пригласил познакомиться.

Умная Люда Воцинкина- начальник конструкторского сектора и мой главный друг, посоветовала: без бутылки не идти. Я взял бутылку коньяка и приготовился к серьёзному разговору. Выпив по сто грамм и закусив яблочком, начальник спросил о моей форме допуска. Я замялся. Был уже второй год перестройки. Двери на выезд начинали постепенно открываться. Я пока никуда не собирался, но исключать такую возможность не хотел. Кроме того, могли снова появиться мои приятели из ГБ, а уж этих -то я видеть совсем не желал. Умный и явно доброжелательно настроенный ко мне отставник посмотрел внимательно и вроде бы всё понял. Видно, для этого и вызывал.

- Поговори с Медведевым. Он тебя любит.

- Что, прямо сейчас?

-Почему бы и нет? Вот зажуй орешком и иди.

Набрал по прямому телефону Медведева:

- Я к Вам сейчас Лёню (!!) пришлю. -Какого Лёню? Каплана Лёню, он у нас один, Лёня. -Иди, не стесняйся, он тебя любит- повторил он.

Прихожу к Медведеву.

- Что там у тебя с кадрами?

Я мнусь:

- Да они про допуск спрашивали.

- Ну и что, а у тебя какой?

- И я прямо: да лучше бы никакого.

Посмотрел:

- Что, подумываешь...? Зачем? Лучше, чем здесь тебе нигде не будет.

Я и решил.

- Ну, во- первых, в ближайшие пять лет я точно никуда не собираюсь, а там, кто знает, как тут будет, сами видите...

-Во- вторых, не очень хотелось бы мне снова с этой «конторой» пересекаться.

- Что, не "подружился" ты с ними?

- Да, как- то "дружба" не сложилась...

- А ты пробовал?

- Что пробовал?

- «Подружиться» пробовал?

- Они пробовали.

- Ну а ты?

Молчу.

-Значит, не "подружились". Ну и не надо. Думаю, обойдёмся. Ты в пятницу после работы что делаешь?

-Да вроде ничего.

- Мы по пятницам в сауну ездим. У нас своя. В Брюховичах. Ты как, в сауну ходишь?

- Захвати только плавки. Всё остальное там есть, Света-это его секретарша-тебе позвонит. Отъезжаем в половине седьмого.

Больше разговоров о допуске со мной никто не заводил. Расписки я не давал, значит его и не оформляли.

И я понял, мои отношения с ОРГАНАМИ вроде бы заканчиваются.

***

В НИИ ТТ я проработал лучшие пять лет своей «производственной деятельности».

В качестве базовой САПР мы выбрали американскую систему "Picad" на РС. Дополнили своими программами. Сделали максимально удобный для конструктора диалоговый режим общения на русском языке с автоматической передачей информации о ПП от одной программы к другой и гибким выбором вариантов проектирования.

Связали её с АРМ2. Создали и заполнили базу данных электрорадиоэлементов (ЭРЭ) и многое иное.

Вопрос о проблемах с количеством проектируемых плат уже не стоял.

Все 100% разрабатываемых в НИИ ТТ печатных плат проектировались на РС, в оптимальном для каждого класса плат режиме трассировки. РС работали в две смены, а иногда и по субботам.

Именно в НИИ ТТ я впервые ощутил, какое это удивительное чувство, когда ты в состоянии реализовать нечто, в тебя заложенное, тобою ранее задуманное и для тебя важное. И что ты не одинок. Тебя окружают единомышленники, которых ты сам подобрал. Ты доверяешь им, а они безоговорочно тебе.

Когда ты знаешь, что твоя работа нужна. Результаты ощутимы достаточно быстро и явно. Они важны для многих, и поддержка, которая тебе необходима, определяется не личными взаимоотношениями с начальством, а в первую очередь результатами этой работы. Ты эту поддержку заслуживаешь. Снова и заново. Изо дня в день.

И что «власть» бывает многолика....

Я объездил в командировках половину Европы. Был несколько раз в Польше, Болгарии, Чехословакии, а в Венгрию меня Медведев отправил в виде премии. На неделю. Я спросил, а можно взять Панчака и Усову- заслужили. Он согласился. Как были довольны мои ребята.

Американская фирма Intergraph, с которой я вёл переговоры, пригласила нас с Медведевым в Скандинавию, на ведущие фирмы Швеции и Норвегии. Я впервые увидел реально работающие САПР.

Но к 1991 году стало окончательно ясно. Надо ехать. Я пошёл к Медведеву и, как мы и договаривались, предупредил, что через год- два собираюсь подавать заявление в ОВИР.

Он достал заветный «Chivas Regal», и мы выпили. Я спросил, как мне себя вести дальше? Директор удивился -работай как работал и никому больше не говори.

Придёшь за две недели до подачи заявления. Подготовь завещание- что дальше надо делать, подумай, кого вместо себя, ну и т. д.

Месяца за два до отъезда, пока ещё никто в институте не знал о моих планах, он предложил доложить о результатах работы на учёном совете и оппонентами назначил начальников отделов разработчиков- моих заказчиков. Людей, у которых к вопросу проектирования ПП всегда были наибольшие претензии. Вот что значит умный человек и директор.

Я серьёзно готовился, но где-то на середине моего выступления встал начальник отделения разработки телевизоров- мой главный оппонент и, извинившись, прервал меня.

-Леонид Михайлович, неужели Вы думаете, что мы этого всего не знаем. Мои разработчики проводят с вашими девочками за компьютером по часу- два в день. Я вначале скептически относился к предложенной Вами системе. Но мои ребята совместной работой довольны.

Ко мне приезжали недавно гости с Сименса, я им показывал наши платы и фотошаблоны.

Они сказали, не хуже, чем у них. Вы знаете, я всегда был Вашим главным оппонентом, но теперь скажу, что вопрос проектирования печатных плат в институте решён положительно.

И сел. Бедная Люда Вощинкина, его постоянная жертва, чуть не грохнулась со стула.

Через месяц я пришёл в отдел кадров к моему отставнику с постоянной бутылкой.

-Ну что, решился, уезжаешь? А я уже давно понял, когда ты ещё про допуск спрашивал.

Медведев договорился, не делали тебе допуск.

Забрал коньяк, закрыл дверь на ключ, вытащил бутылку Столичной, достал бутерброд, взятый из дому, и разрезал его пополам.

Ну, чтобы у тебя там сложилось! Ты в Израиль едешь или в Америку?

- В Германию.

- А что, берут они ваших?

- Берут.

- Пополняют значит... Не страшно?

-Да вроде нет.

Помолчал.

- И я заявление подал. Уезжаю. Не в Израиль, под Москву, к внукам. Ну будь здоров. Бумаги оставь. Я подпишу.

И я подумал: как же было хорошо работать с этими доброжелательно настроенными ко мне людьми, тоже в некотором роде «властью». Без малейшего внимания со стороны ОРГАНОВ.

Я навсегда избавлялся от их мерзкой опеки.

И это можно записать как последний, **одиннадцатый «реперный знак»**

***

Я выпил в отделе после работы с ребятами. Попрощался.

Виталик Григорьев, человек обычно молчаливый, сказал ....

Ну, в общем, высоко оценил...

И про ЛНИРТИ вспомнил и про НИИ ТТ....

Люда Вощинкина плакала.

Ещё через день мы выпили почти бутылку виски с Медведевым, который к этому времени стал Заместителем генерального директора объединения по науке.

А ещё через пару дней Юрий Андреевич организовал в своём кабинете прощальный ужин. Там мы уже "серьёзно" попрощались. Я нечасто бывал пьяным. А тут надо было выпить с каждым. Под влиянием выпитого произнёс речь, на тему: для меня было большой честью.... Ну и что, мол, работал с удовольствием...

Что интересно. Это было правдой!

Через две недели я уехал в Германию и мои взаимоотношения с этой властью были закончены.

Навсегда.

P.S. Я прочитал написанное и заметил, что после каждого «взаимостолкновения» с советской властью я оставался, в общем -то, оптимистом и верил, как герой Жванецкого, «что, если этого продавца заменить иным, всё станет по -другому...»

Оказалось, всё не так просто.

Пришла «перестройка». Я в очередной раз загорелся, слушал все трансляции Съездов Советов Народных Депутатов, смотрел ночные выпуски программы «Взгляд», читал новый «Огонёк» и «Московские новости».

У Саши Абрамова, моего начальника отдела в СКБ МП, были два заместителя, я и Степан Давимука, который занимался расчётом и анализом на ЭВМ электронных схем.

Степан сразу вступил в организованное во Львове национальное движение «Рух» и предложил мне присоединиться к этой организации, подчёркивая этим отсутствие в ней антисемитизма.

Последним моим участием в политических структурах было членство в совете пионерской дружины школы номер 35, которое закончилось трагическим «люстропобиванием».

Именно тогда я принял твёрдое решение больше в политические организации не входить.

Я рассказал Степану об этой истории, мы посмеялись и расстались в хороших отношениях.

Степан стал через пару лет губернатором Львовской области и несколько раз передавал через общих знакомых предложения встретиться, но меня это не интересовало.

Работая в НИИ ТТ, я вёл переговоры о возможной закупке американской CAD/CAM Mikrostation с американской фирмой Intergraph, связанной с университетом штата Алабама.

В один из их приездов во Львов они предложили в случае подписания контракта передать несколько РС администрации города Львова.

Я позвонил Степану, и он переслал меня к одному из замов мэра Львова.

Мы провели встречу с заместителем мэра города, а затем мэрия организовала приём-обед в ресторане, который располагался на первом этаже здания Ратуши. Обед был великолепный. Водка, пиво, холодец, вареники, колбасы, сало, шашлыки, соленья и пр. Американцы были представлены главным менеджером по Европе- невысоким полноватым молодым парнем лет 35 и профессором университета Алабамы.

Как оказалось в дальнейшем, мои гости практически не употребляли спиртные напитки, в еде предпочитали вегетарианские блюда и наши приёмы были для них тяжёлым испытанием.

Заместитель мэра предложил тосты за освобождение Украины, движение «Рух», украинско-американскую дружбу, штат Алабама, здоровье обоих президентов и ещё пять или шесть иных. В процессе этого пришёл в хорошее расположение духа и решил рассказать анекдот на тему дня. Анекдот был про негров, обезьяну и дерево. Сказать, что он был расистский это очень мягко. Он был мерзкий.

Очередной вареник застрял у меня в горле. Девушка-переводчица глянула с ужасом.

Я незаметно отрицательно покачал головой. А Народный Избранник резко на неё: «перекладай, я тобі кажу».

Ну она и перевела, кое-как смягчив, но что тут можно было смягчить.

Я онемел. С этими американцами я уже давно общаюсь, это интеллигентные воспитанные люди и тут такое...

Пауза продолжалась не более минуты. А потом встал молодой толстенький американец и объяснил, что, конечно, они из Алабамы, и раньше этот штат был известен как расистский, но что уважаемый заместитель мэра ошибается, если думает, что ситуация не изменилась.

Если бы такой анекдот рассказали сегодня прилюдно в Алабаме, дело бы закончилось судебным разбирательством.

Извинился за резкие слова, объяснил, что промолчать не мог и попросил меня передать ему салат.

А я получил сразу два урока:

-Порядочный человек должен дорожить чувством собственного достоинства. В любой ситуации.

Эти ребята, американцы приехали заключать контракт и рисковали многим.

Но у них даже на секунду не возникли сомнения, они просто обдумывали вежливую форму протеста.

-Смена власти, которую ты считаешь несправедливой, на иную, даже ей противоположную, совсем не означает автоматического наступления «Справедливости», «Порядка», «Торжества законности» и «победы Добра». Как говорили братья Стругацкие, на смену «серым» могут прийти «чёрные». Оптимизм в предсказании будущего для страны, системы и в личной жизни должен быть весьма умеренным и соседствовать с настолько же умеренным пессимизмом.

В общем, как говорил Юлиус Фучик: «Люди, будьте бдительны».

Это были **двенадцатый и тринадцатый «реперные знаки», важные для меня и по сей день.**

Так и живу я с этой чёртовой дюжиной знаков, расставленных в разное время, по разным поводам на извилистой тропе моей «длинной жизни».

Аминь.

P.S.2. Прошло почти 30 лет. И в огромной стране на смену «серым» пришли «чёрные».

Вначале я ещё спорил. Меня успокаивали: «Эти ребята «про деньги». А театры и прочее остаются в Москве и Питере- «самые наилучшие».

Так не бывает.

Вначале они поменяли гимн. Потом взорвали дома. Или наоборот? Сначала дома?

Но деньги они украли все. Во все щели проникли. Посадили, отравили, убили, запретили, выгнали.

Торжествующий Хам прочно занял вершину власти. ОРГАНЫ абсолютного Зла. Язык питерской подворотни оказался близок большинству народонаселения.

Какие уж тут «реперные знаки». Через каждый метр. Устанешь расставлять.

После 2014 года я старался более уже не спорить. «Убеждения сильнее фактов».

После 24.02.22 осталась только надеяться, верить и ждать.

А после 07 октября добавился Израиль. Я глубоко убеждён, что без моих старых знакомых и тут не обошлось. «Cui bono?, Cui prodest?» Ищи кому это выгодно.

Просиживая часами в интернете, болея за Израиль и Украину, я сильно боюсь, что «далі буде...».